

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Н. Лукин. Альфонс Олар

В. Далин. Мануфактурная стадия капитализма во Франции XVIII в. в освещении «русской школы»

И. Завитнович. Расслоение крестьян в Бретани накануне Великой французской революции

Н. Лукин. Борьба классов во французской деревне и продовольственная политика конвента в период действия 2-го и 3-го максимума

Ц. Фридлянд. 9-е термидора

К. Добролюбский. Классовая борьба в парижских секциях в первые месяцы после 9-го термидора

С. Моносов. Последние выступления парижских предместий

Н. Фрейберг. Шомет, генеральный прокурор Парижской коммуны, в первые годы Великой французской революции

О. Вайнштейн. Французские торговые колонии на Левансе при старом порядке и в эпоху революции

Ц. Фридлянд. Итоги изучения Великой французской революции в СССР

Н. Лукин. Новейшая эволюция Альбера Матьева

БОРЬБА КЛАССОВ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕРЕВНЕ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА КОНВЕНТА В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ 2-ГО И 3-ГО МАКСИМУМА ¹

(Сентябрь 1793 г. — декабрь 1794 г.)

Отношение различных слоев французского крестьянства к продовольственной политике Конвента до сих пор почти не было объектом научного исследования. Даже в специальных монографиях, посвященных продовольственному вопросу в отдельных департаментах, как напр. в работе Ch. Porée², не учитывается классовое расслоение французской деревни. Лишь Лефевр в своей интересной работе «Les paysans du Nord pendant la révolution» делает попытку проследить, как реагировали на продовольственную политику Конвента отдельные слои сельского населения.

Между тем, начиная с зимы 1793 г., система твердых цен и реквизиций играет доминирующую роль среди тех факторов, которыми определялось отношение деревни к робеспьеровскому правительству. Дать классовый анализ его продовольственной политики, одновременно прослеживая действие этой политики на классовую борьбу в деревне — значит подойти к разрешению вопроса о социальных корнях термидорианской реакции.

Разумеется, классовая борьба, происходившая на почве применения законов о максимуме, может быть выделена как специальный объект изучения лишь условно: она тесно переплетается

¹ Настоящая статья представляет переработку доклада, читанного автором на совместном заседании Секции промышленного капитализма Института истории, Коммунальной Академии и Общества историков-марксистов. Помимо печатных источников автор пользовался материалами, хранящимися в Национальном архиве в Париже (подсерии F¹¹, F¹⁰, F¹², AF II).

² Ch. Porée, Les subsistances dans l'Yonne et particulièrement dans le district Auxerre pendant la révolution.

с борьбой, которая шла между различными слоями крестьянства на почве раздела общинных земель и распродажи национальных имуществ.

С другой стороны, нельзя говорить о классах в революционной деревне, не учтя всех тех перемен в ее социально-экономическом строе, которые произошли с 1789 г.

Наиболее существенные изменения этого порядка были внесены отменой десятины, феодальных повинностей, передачей коммунальной части фонда общинных угодий, разделом или распродажей этого фонда, наконец — распродажей национальных имуществ.

Между тем до сих пор не имеется такой общей работы по экономике сельской Франции в эпоху революции, которая давала бы отчетливое представление о результатах вышеотмеченных процессов (изменения в распределении земельной собственности, землепользовании, характере аренды и т. п.) и тем самым отвечала бы достаточно обоснованно на вопрос о том, какие перемены произошли в положении различных классов и их взаимоотношениях¹.

Попробуем все же наметить классовую структуру революционной французской деревни хотя бы в самых общих чертах.

Наряду с уцелевшими остатками старого дворянства мы имеем чрезвычайно усилившийся экономический класс сельской буржуазии (кулачества), в наибольшей степени выигравшей от отмены десятины и феодальных повинностей и сумевшей прибрать к рукам значительную часть национальных имуществ. В Северном департаменте покупщики национальных имуществ из крестьян, приобретшие свыше 10 га, составляли 1 129 чел., или 4,52% всех покупателей из крестьян; но эта зажиточная головка деревни приобрела 34 123 га, или 49,07% всей приобретенной крестьянством земли².

В департаменте Cher среди крестьян, приобретающих эмигрантские земли, преобладали «люди богатые или зажиточные, имевшие и раньше собственность»³.

Эти выводы, полученные по двум департаментам, нельзя конечно распространять целиком на всю Францию, но они весьма красноречивы.

Эта же сельская буржуазия наживалась на дороговизне сельскохозяйственных продуктов (особенно до издания законов о максимуме), а также использовывала затруднительное положение безлошадного крестьянина, не имевшего возможности вспахать свое

поле без помощи зажиточного соседа. Местами ей удалось прибрать к рукам (путем аренды) участки, которые были куплены за время революции деревенской беднотой, но не могли быть ею обработаны за отсутствием сельскохозяйственного инвентаря.

Ряды «cultivateurs aisés», «riches propriétaires», «gros fermiers», «propriétaires en gros» и т. п. значительно возросли благодаря переходу значительной части национальных имуществ в руки богатых фермеров и городской буржуазии. По Лефевру, в Северном департаменте за период с 1790 по 1793 г. доля городской буржуазии в приобретении национальных имуществ составляла 33,56%. По департаменту Sarthe покупщики из горожан составляли от 16,1 до 49,4%, по Верхней Гаронне — от 11,6 до 40%, по Côte d'Or — от 14,9 до 35%¹.

Разумеется, среди этих «горожан» были и очень мелкие покупщики, но значительная роль городской буржуазии и революционного чиновничества в этих покупках бесспорна.

К сельской буржуазии надо отнести также мельников, держателей постоянных дворов, деревенских лавочников, булочников и т. п. Среди этой группы сельской буржуазии особенно благоприятствовали мельники, которые систематически нарушали закон о помоле (декрет 25 брюмера, ст. 4), пускались на всевозможные проделки в целях утайки части зерна (вплоть до подмешивания в муку песка), продавали деревенской бедноте хлеб по спекулятивным ценам и т. п.².

Сельская буржуазия находила поддержку в довольно многочисленной группе контрреволюционно настроенных богатых людей, переселившихся за время революции из городов, чтобы ускользнуть от бдительного ока городских санкюотов. В департаменте Nièvre депутат в миссии Lepiot считал нужным издать особое распоряжение об обратном выселении в города таких «дачников»³.

Среднее крестьянство («cultivateurs», «laboureurs», «pauvres fermiers»), составлявшее основную массу сельского населения, также выиграло от отмены десятины, феодальных повинностей и значительно возросло в ходе революции благодаря разделу общинных земель и распродаже национальных имуществ. Многие мелкие арендаторы стали теперь собственниками по крайней мере части ранее обрабатываемой ими земли. Поскольку представители этого слоя продолжали арендовать еще нераспроданные земли, принадлежавшие раньше клиру или дворянству, они уплачивали государству аренду в почти неизменном размере (несмотря на

¹ Упомянутая работа Лефевра, которая в значительной степени отвечает на интересующий нас вопрос, по крайней мере в отношении Северного департамента, является пока единичным явлением.

² L e f e v r e, Les paysans du Nord pendant la révolution..., 1924, p. 960.

³ M a r i o n, La vente des biens nationaux, p. 229.

¹ Л у ч и ц к и й, Состояние сельскохозяйственных классов во Франции накануне революции и аграрная реформа, с. 150, табл. I.

² Arch. Nat., AF_{II} 138/1 1080. Arch. Nat., F_{II} 201. Rapports de Grivel et Siret, p. 190. Arch. Nat., F¹¹ 278. Ibid., AF_{II} 141/1108.

³ Arch. Nat., AF_{II} 128/961.

падение ассигнатов и удорожание сельскохозяйственных продуктов).

В Северном департаменте (по Лефевру) из 24 994 крестьян, окончательно купивших национализированные имущества, покупки средних участков (от 1 до 10 га) составляли 8 415 чел., или 28,6% всех покупателей-крестьян и 7,26% покупателей вообще. В общей сложности эта категория покупателей приобрела 13 440 га, или 33,8% всей площади, приобретенной крестьянством¹. Итак, более трети всей купленной в этом департаменте земли перешло в руки именно этой группы.

Лучицкий, пользуясь данными по 29 департаментам, расположенным в различных местностях Франции, приходит к выводу, что мелкие покупки (стоимостью до 10 тыс. ливров) составляли подавляющее большинство покупок национальных имуществ (от 85 до 91,4%)².

В результате того же процесса распродажи национальных имуществ (как и поголовного раздела общинных угодий) возросла и группа деревенской бедноты, собственников мельчайших участков (до 1 га), хотя вся система распродажи национализированного земельного фонда менее всего соответствовала интересам пролетариев и полупролетариев деревни.

В Северном департаменте малоземельным, безземельным крестьянам удалось до известной степени использовать декреты Конвента, разрешавшие раздробление владений при продаже эмигрантских земель (3/VI и 25/VII 1793) и распространявшие этот принцип на всякого рода национальные имущества (декрет 2 фримера и 4 нивоза II г.), а также декрет 13/IX 1793, представлявший крестьянам-несобственникам и не обложенным налогом жителям коммун без общинных угодий право приобретать земли эмигрантов, стоимостью до 500 ливров, с рассрочкой на 20 лет и без начисления процентов.

По данным Лефевра здесь покупщики участков до 1 га составляли 61,81% всех покупателей-крестьян (15 450 из 24 994); они приобрели из 68 704 га 11 932, или 17,13% всей купленной крестьянами земли (8,58% всей земли)³.

Однако приобретение карликового участка земли далеко не во всех случаях превращало деревенского пролетария или полупролетария в хозяйственного мужика. Обычно, не имея ни сельскохозяйственного инвентаря, ни семян, такой «petit cultivateur», «menager» вынужден был сдавать свое поле за бесценок в аренду своему же соседу «cultivateur», «laboureur», «gros fermier».

Таким образом сельской буржуазии удалось фактически при-

брать к рукам значительную часть национальных имуществ, которая юридически перешла в руки маломощного крестьянства.

В протоколе публичного заседания администрации дистрикта St-Quentin (департамент Aisne, от 3 фримера III г.) между прочим читаем: «В деревнях существуют злоупотребления, весьма вредные с точки зрения... интересов наименее обеспеченного класса народа. Под тем предлогом, что никакой закон не таксирует культуру зерна, «cultivateurs» и «gros fermiers» поднимают свои требования до такого предела, что им удастся таким способом, вопреки желанию собственников, надолго сохранить за собой эксплуатацию земли, попавшей к ним в качестве арендованной. Бвиду того, что отдельный малообеспеченный крестьянин, который купил небольшой клочок из национальных имуществ, не может вырвать своей собственности из рук крупного фермера и обрабатывать ее сам, чтобы не платить за вспашку и семена за один год сумму, почти равную стоимости самой земли, он вынужден оставить свою землю в аренде за ничтожную плату; иначе говоря, он оставляет в руках арендатора большую часть своего дохода за издержки по обработке земли, а сам вынужден жить в нищете, тогда как, если бы он обрабатывал свою маленькую собственность сам, ему и его семье было бы обеспечено безбедное существование».

Оратор говорит от имени «petits cultivateurs», в дальнейшем он требует установления таксы на производство всякого рода сельскохозяйственных работ, что дало бы возможность мелкому собственнику вырвать свою собственность из рук «gros fermiers» и обрабатывать ее своим трудом или с чужой помощью, но за минимальную плату¹.

Не имея возможности прокормиться со своих карликовых участков, это парцелльное крестьянство («petits cultivateurs menagers») вынуждено было пополнять бюджет продажей своей рабочей силы в чужом хозяйстве. Именно оно поставляло главные кадры всякого рода деревенских поденщиков (journaliers, manoeuvriers), панимавшихся лишь в разгар полевых работ (moissonneurs, faucheurs, batteurs). Отсюда еще один характерный термин, применявшийся к этой группе, — «рабочие-собственники» (manouvriers-proprietaires).

Труд жнеца часто оплачивался натурой в виде определенного количества зерна или известной доли урожая (в Северном департаменте каждый десятый или тринадцатый сноп). Молотильщики получали 5—6% с обмолоченного ими зерна².

Поденщики, имевшие не только свой дом, но и небольшой клочок земли, преобладали в районах с развитой крестьянской

¹ Lefebvre, Les paysans..., p. 960.

² Лучицкий, цит. соч., с. 153, 154, табл. II.

³ Lefebvre, op. cit., p. 960.

¹ Arch. Nat., F^o 453—455, 3. См. также жалобу мелкого cultivateur Morize из департамента Эр (ibid.)

² Lefebvre, Les paysans du Nord..., p. 278—279.

собственностью. Так, в Лимузене среди поденщиков было всего 12,2% безземельных. Напротив, в Laonnais 60% journaliers имели лишь небольшую усадьбу (менее 1 арп. земли)¹.

Это — уже настоящие пролетарии, которые вместе с деревенскими ремесленниками составляли «беспосевную» часть деревни (non recoltants).

Труд поденщиков применялся главным образом в крестьянском хозяйстве; с помощью батраков (domestiques, valets), нанимавшихся обычно на годичный срок и живших на чужой ферме, эксплуатировались преимущественно дворянские и буржуазные имения, если конечно последние не сдавались в мелкую аренду.

Поденщики составляли весьма значительную категорию сельского населения; в Бретани в большинстве кантонов — от 20 до 25%, но в некоторых местах их удельный вес поднимался до 1/2 и даже до 2/3 населения².

II

В истории продовольственной политики Конвента можно различать три периода: первый — с 4 мая 1793 г. по 11 сентября того же года, так называемый период действия ограниченного максимума (твердые цены вводились лишь на зерно), устанавливавшегося притом по департаментам; второй — с 11 сентября 1793 г. до начала жерминаля II г. — период существования «однообразных твердых цен на различные виды хлебов (зерна и муки), установленных центральной властью, и действия так называемого всеобщего максимума (с 29 сентября); в то же время это — период, когда господствовал режим экономической диктатуры Комитета общественного спасения; третий — с жерминаля II г. до отмены твердых цен 4 нивоа (24 декабря 1794 г.) — период ослабления этого режима и подготовки его ликвидации.

В первый период неустойчивое монпаньярское большинство Конвента не имело ни желаний, ни возможности добиться исполнения закона о максимуме. Проведение политики твердых цен было всецело в руках злейших ее врагов — департаментской администрации, состоящей из жирондистски настроенных крупных землевладельцев. В результате в одних департаментах твердые цены на зерно не были установлены вовсе, в других местные власти смотрели на максимум, как на временную меру, не карали за его нарушение, в третьих — действие закона было приостановлено. В этот период действия максимума реквизиции хлеба почти не имели места, предписываемый законом учет продовольственных запасов не дал желательных результатов. Можно сказать,

что в общем благодаря попустительству департаментских властей и разнобою в установлении твердых цен по разным департаментам крестьянству удалось сорвать исполнение закона о первом максимуме, превратив его в «голодный» закон.

В начале сентября под давлением революционных масс Парижа в продовольственной политике Конвента происходит решительный перелом, но сколько-нибудь успешное проведение в жизнь новых законов о максимуме (11—29 сентября 1793 г.) могло начаться лишь со времени осуществления знаменитого декрета 14 фримера II г. (4 декабря 1793 г.), предписавшего провести «чистку» «установленных властей», реорганизовавшего всю администрацию на началах централизации (учреждение должности национального агента при дистриктах и коммунах), передавшего наблюдение за исполнением революционных законов дистриктам, наконец официально признавшего важную роль наблюдательных, или революционных комитетов в деле проведения в жизнь правительственных мероприятий.

Кульминационным пунктом этого периода было создание центральной Комиссии продовольствия и снабжения (1 брюмера II г. — 22 октября 1793 г.), которая с 24 плювиоза (12 ноября 1793 г.) получила исключительное право на производство реквизиции и сосредоточение в ее руках всего продовольственного дела; национализация всего урожая, поступавшего в распоряжение той же Комиссии, отмена так называемого «семейного пайка», прежде оставлявшегося крестьянину при реквизициях (декрет 25 брюмера — 15 ноября 1793 г., установивший «la communauté des subsistances»). Поскольку правительство брало на себя обязательство «нивелировать продовольственные запасы» и кормить из общего фонда как городское, так и сельское население, перераспределяя все продовольственные запасы между производителями и потребляющими коммунами, рыночная продажа хлеба не могла уже иметь места¹. Подобно горожанину или беспосевному крестьянину, земледелец должен был отныне получать свой паек из общественного магазина².

Декрет 25 брюмера сопровождался рядом циркуляров и ин-

¹ См. декрет 25 брюмера и циркуляр Комиссии продовольствия от 4 фримера II г. Rec. des textes: Céréales, p. 183, № 49.

² На практике и в этот период при проведении реквизиций крестьянину обычно оставляли некоторый (на 2—3 месяца) запас хлеба для собственного потребления до нового урожая, но при исчислении этого запаса исходили из жесткой нормы 1—1/2 ф. в день на едока. (См. распоряжение Продов. к-та Тулузы) — A d h e r, Le Comité des subsistances de Toulouse, p. 422. См. также L o r a i n, Les subsistances en céréales dans le district de Chaumont, № 1940. Arch. Nat., F¹¹, 254.

R i c h a r d, Le gouvernement révolutionnaire dans les Basses Pyrénées, p. 101. Как «нивелировка» продовольствия проводилась, напр. в департаменте Meurthe, см. Arch. Nat., F¹¹ 378 (1). Нанси, 22 ванд. III г.

¹ Л у ч и ц к и й, Состояние земледельческих классов во Франции накануне революции и аграрная реформа 1784—1793 гг. К. 1912, с. 14, 15, 33.

² H. Sée, Les classes rurales en Bretagne, p. 306, § 5.

струкций, предусматривавших учет имевшегося в государственных зернохранилищах и крестьянских амбарах зерна, без чего нельзя было приступить к обобществлению продовольственных фондов, выяснение потребности департаментов в продовольственной помощи, принудительный обмолот и сыпку зерна в общественные магазины и т. п.¹

На этот же (второй) период падают декреты об обязательной обработке заброшенных земель силами крестьян-собственников², а также законодательные акты и административные распоряжения, касавшиеся мобилизации сельскохозяйственных рабочих, таксации их заработков и т. д.³

Однако, начиная уже с жерминаля II г., замечается ослабление этого режима экономической диктатуры Комитета общественного спасения, стоящее в несомненной связи с гибелью эбертистов.

В общем система твердых цен и реквизиций сохраняет свою силу, но ослабляются поддерживавшие ее террористические мероприятия, берется курс на ликвидацию государственного снабжения населения хлебом и на восстановление частной торговли; вообще делается ряд уступок крестьянству.

Декретом 7 жерминаля упраздняются особые комиссары по борьбе со спекуляцией, существовавшие на основании закона против скупщиков (26 июля 1793 г.); 9 жерминаля была упразднена революционная армия, 12 жерминаля Комиссия продовольствия и снабжения была заменена Комиссией торговли и снабжения и, в качестве одной из 12 комиссий, подчинена министру внутренних дел. 6 прериаля последовала отмена реквизиционных зон. Декрет 21 мессидора II г. временно освобождал жителей мелких коммун, из крестьян и рабочих, арестованных за нарушение законов о максимуме.

Падение Робеспьера повело за собой дальнейшее смягчение режима максимума. Декретом 13 термидора задача снабжения рынков снова выдвигается на первый план; система снабжения через общественные магазины признается уже нежелательной, как лишь усиливающая тревожные настроения среди населения⁴.

Приказом 11 вандемьера II г. (2 октября 1793 г.) освобождались от обязанности немедленно обмолотить хлеб те из cultivateurs, которые собрали хлеба не более чем нужно для покрытия потребностей их собственного хозяйства⁵. Таким образом косвенным путем восстанавливалась прежняя практика оставления крестьянину при реквизициях семейного пайка. Декрет 26 фрюктидора II г. (12 сентября 1794 г.) разрешил земледель-

дам запастись семенами в чужих коммунах¹. Декрет 23 брюмера разрешил делать накидку на твердые цены, имея в виду расходы при перевозке, если крестьянину приходилось везти реквизированный хлеб более чем за два лье².

Декрет 13 термидора не привел к восстановлению рынков³. Режим реквизиций, получивший особенное развитие во второй период⁴, сохранил свою силу, но с наступлением термидорианской реакции сопротивление крестьянства системе твердых цен усилилось.

Декрет 19 брюмера, повышавший твердые цены на хлеб и передававший нормировку хлебных цен дистриктам, не удовлетворил «алчности» cultivateurs, которые истолковывали падение Робеспьера как конец царства максимума. За неделю до отмены твердых цен Комитет общественного спасения воспретил администрации дистриктов применение вооруженной силы при проведении реквизиций в соседних дистриктах.

Независимо от того, по чьему распоряжению налагалась реквизиция (в силу ли приказа министра внутренних дел, Комиссии продовольствия, департаментских властей или депутатов в миссии, этих «des arbitres locaux des subsistances», по выражению одного исследователя⁵, игравших особенно важную роль в деле снабжения армии), осуществление реквизиции возлагалось со времени декрета 14 фримера на администрацию дистриктов. Последняя разрешивала требуемый контингент хлеба или фуража между сельскими коммунами, следила за фактическим выполнением реквизиции муниципалитетами, назначая особых комиссаров для наблюдения за производством учета зерна и сыпкой его в общественные и военные склады. Там, где комиссары по производству учета назначались по всему департаменту депутатами в миссии, по отдельным дистриктам обычно посылались лица из администрации других дистриктов⁶. Получив известное задание от дистрикта, администрация коммун в свою очередь производила разверстку приходившегося на ее долю зерна между крестьянами⁷.

¹ Rec. des textes: Céréales, № 88.

² Ibid., № 10.

³ Dupéron, op. cit., p. 225 et passim.

⁴ В порядке реквизиции снабжались не только армия и города, но и сельские коммуны потребляющих районов.

⁵ Ant. Richard, Le gouvernement révolutionnaire dans les Basses Pyrénées, p. 102.

⁶ См. общую инструкцию по проведению «un nivellement général des subsistances» в департаменте Meurthe, изданную депутатом в миссии (Arch. Nat., F¹¹ 378).

⁷ Наложение реквизиций на отдельных крестьян комиссарами дистрикта (réquisition individuelle) практиковалось редко (см. напр. Arch. Nat., AFII 141 A/1108).

¹ См. Rec. des textes: Céréales, № 44, 48, 49, 54, 64. Arch. Nat., AFII 70/521.

² Декрет 12 января 1794 г.—23 нивоза II г.

³ См. декреты: 29 сентября 1793 г. и 16 сентября 1793 г.

⁴ Rec. des textes: Céréales, № 77, 80.

⁵ Rec. des textes: Agriculture, № 214.

Как производилась эта продрозверстка? К сожалению, в наших материалах имеются на этот счет указания лишь самого общего свойства. Мы узнаем например, что муниципальные власти должны были выполнять задание дистрикта, «распределяя установленный контингент между отдельными сельчанами сообразно их достатку» («en faire exécuter . . . ces répartitions par une subdivision relative aux richesses des individus» или «пропорционально количеству хлеба, которым располагал каждый крестьянин» (dans la proportion des quantités qui sont en possession de chacun), или «пропорционально собранному им урожаю». Иногда в расчет принималось количество имевшегося у крестьянина упряжного скота (например 1 квинтал с каждого плуга), иногда при выполнении реквизиции рекомендовалось учитывать два момента: размер запашки и количество имеющихся у земледельца запасов (dans les proportions de la culture des terres et des possibilités) с тем, «чтобы каждый собственник или фермер доставил достаточное, но не чрезмерное количество зерна» (afin que . . . fournisse assez et bas trop)¹.

Но все это — самые общие принципы, в которые не могло не вкладываться весьма различное содержание, в зависимости от классового состава деревенских муниципалитетов, которые несли коллективную ответственность за своевременное и исправное выполнение реквизиций, имели право проверять правильность заявок крестьян путем производства обысков, освобождать отдельных cultivateurs от поставки хлеба или фуража и т. п.

Между зажиточной и середняцкой частью деревни на этой почве не могла не возникать острая борьба. Отголоски этой борьбы слышатся, например, в протоколе заседания Генерального совета дистрикта Bergues (Северный департамент) от 29 прерияля II г. (17 июля 1794 г.). «Существуют еще люди, — говорил один из ораторов о членах деревенских муниципалитетов, — которые, желая порадовать своим согражданам, — либо в целях обеспечения за собою занимаемых ими административных должностей, либо в расчете на то, что в другое время пощадят их самих, — ограничиваются простым получением заявок (деклараций), ложность которых изобличает эгоизм или опасения их авторов, вместо того чтобы производить обыски или выяснять результаты»².

Но чем больше хлеба удавалось скрыть кулаку, тем тяжелее

оказывалась повинность, падавшая на его менее зажиточных односельчан. Лефевр утверждает, что во многих деревнях Северного департамента в III году «les gros cultivateurs», которые обычно заседали в муниципалитетах, перелагали бремя реквизиций на «petits cultivateurs». Последние жаловались на эту неравномерность в разверстке администраторам дистрикта. В плювиозе III г. коммуна Гондшоот (дистрикт Bergues) не только отказалась выполнить наложенную на нее реквизицию, но и распределила присланный на постой гарнизон среди беспосевных (!) крестьян¹.

Правда, оба последние сообщения относятся ко времени, когда твердые цены были уже отменены, а сохранилась лишь практика реквизиций для нужд армии, когда, с другой стороны, термидорианская реакция поощряла наглость кулацких муниципалитетов; но отсюда вовсе не следует, что подобные или аналогичные случаи не имели места в эпоху существования максимума или что они ограничивались лишь пределами Северного департамента, где дифференциация крестьянства наблюдалась в более сильной степени, чем в других местах. Скудность наших сведений о классовой борьбе, которая развертывалась на селе в связи с выполнением реквизиций, объясняется тем, что власти дистриктов менее всего ею интересовались: для них был прежде всего важен самый факт выполнения или невыполнения соответствующего задания коммуной в целом.

Под этим углом зрения шла и вся административная переписка², почти не выявлявшая случаев невыполнения реквизиций отдельными крестьянами.

Все же в нашем распоряжении имеется некоторый (правда, весьма скудный) материал, позволяющий утверждать, что как раз крестьяне, имевшие наибольшие хлебные излишки, а потому всегда наиболее заинтересованные в невыполнении положенной на коммуны реквизиции, преимущественно срывали продовольственную политику Конвента.

Среди многочисленных случаев индивидуального и коллективного сопротивления продовольственным мероприятиям Конвента³ можно выделить несколько примеров, когда наиболее упорными саботажниками при выполнении реквизиций или проведении принудительного обмолота, наиболее злостными укрывателями хлеба и нарушителями законов о максимуме или, на-

¹ L e f e v r e, op. cit., Introduction, p. LXII, ibid. № 1146.

² Arch. Nat., AF_{II} 138/1081. Прокламация депутата Гарнье, состоявшего в миссии при департаментах Orne, Sarthe et Mayenne (от 19 нивоа II г.) ibid. F¹² 388 (дистрикт Chaumont, dép. Oise, Rec. des textes: Céréales, № 77, art. 2 Arch. Nat., AF_{II}—138/1076—приказ народного представителя, находившегося в миссии при альпийской армии (от 2 мессидора II г.).

³ L e f e v r e, Documents relatifs à l'histoire des subsistances dans le district de Bergues pendant la révolution, t. II, p. 502 (№ 716).

² В постановлениях отдельных коммун встречаются образчики разверстки известного задания между отдельными крестьянами, но нет никаких указаний на то, почему NN должен доставить столько-то фунтов зерна и т. п. См., напр. постановление коммуны Mardyck (дистрикт Bergues) от 24 вандемьера III г. (Lefevre, op. cit., I, 566 (№ 850).

³ Кстати сказать, это сопротивление носило далеко не столь невинный характер, как это рисуется Мальезу (см. «Борьба с дороговизной...» с. 431—433).

конец, наиболее яркими противниками декрета о хозяйственной помощи безлошадным при засеивании являлись именно крупные собственники и зажиточное крестьянство (*gros cultivateurs laboureurs*).

Летом 1794 г. Наблюдательный комитет коммуны Buxerilles (дистрикт Шомон) ходатайствовал перед дистриктом о заключении в местную тюрьму некоего Claude Voillemes, владельца *tisses en froment, orge, avoine et foin* и притом члена Наблюдательного комитета, упорно отказывавшегося от выполнения каких бы то ни было реквизиций для снабжения армии или рынков в Шомоне¹. Другой крестьянин-богачей, некто Brugnon, фермер из Vaucienne (дистрикт Эпернау, департамент Марны), получив от дистрикта приказ доставить на рынок в Эпернае сорок буассо зерна, ответил отказом. Когда же местная администрация распорядилась принудительно обмолотить эти сорок буссо у него в риге, Брюньон оповестил женщин соседней деревни Demery, что он готов продать хлеб ниже максимума; сбежавшиеся женщины быстро расхватывали хлеб, так что для рынка ничего не осталось. Администрация послала к нему жандармов, но упрямый кулак ответил, что он — хозяин своего хлеба. Введенные из терпения местные власти распорядились конфисковать у него весь хлеб, тем более что Бриньон был арендатором эмигранта. Однако директория департамента отменила это постановление. Пришлось вмешаться местному республиканскому обществу, которое довело дело до Конвента².

В коммуне Courtau (дистрикт Шомон) имел место случай злостного сокрытия и порчи хлеба. Жена одного местного чиновника несколько раз отказывалась подчиниться реквизиции для нужд армии; затем доставила зерно в грязном мешке, так что оно оказалось испорченным. Наконец, однажды принесла свой «контингент» в пять часов вечера, когда его не могли взвесить за отсутствием света (дело было в нивозе). Когда все это было поставлено на вид ее мужу, только что перед тем отказавшемуся дать подводу для доставки припасов для армии, он ответил, что «ему в высокой степени наплевать» на Наблюдательный комитет, и позволил себе ряд ругательств³.

Не менее ярко выступает психология крепкого крестьянина-собственника в деле некоего *laboureur*'а Леклерка-младшего из

деревни Soucourt (того же дистрикта)⁴. Будучи вызван в Наблюдательный комитет по обвинению в нарушении закона о максимуме (употребление неправильных мер), этот «хлебопашец» заявил, что законы вообще не исполняются, а он лично менее всего с ними церемонится (*qu'il s'embrasse fort peu d'elles*), что он желает быть хозяином своего товара. На вопрос председателя комитета: «А вы не боитесь, что ваше зерно может быть конфисковано?», Леклерк ответил, «что в полночь легко перевезти зерно в ригу, что в текущем сентябре таким путем из коммуны ушло более ста бише⁵; что же касается цены, то тот, кто ледоволен его товаром, пусть не берет; что если уж на то пошло, то пусть подышают с голода, а он не продаст больше никому»⁶.

В прокламации от 2 брюмера II г. («Ко всем собственникам зерна и муки») министр внутренних дел Паре не находит слов негодования против тех «жадных собственников», которые на виду у своих сограждан, вынужденных питаться овсом, предпочитают стравливать рознь своим лошадям, лишь бы не продавать ее по твердым ценам⁴.

В приказе депутата, посланного в департамент Нижней Сены (от 8 сентября 1793 г.), говорится о необходимости «уничтожить губительный для свободы комплот, составленный богатыми собственниками-земледельцами и их арендаторами» в целях довести народ до отчаяния голодом⁵.

В департаменте Дубс именно богатые собственники распускали по деревням тревожные слухи, стараясь сорвать предписанную законом организацию государственных зернохранилищ по кантонам⁶.

Трудно выделить степень активности сельской буржуазии в тех довольно многочисленных случаях, когда целая деревня оказывала активное сопротивление реквизициям. Очень возможно, что в решительный момент столкновения с властями кулаки предпочитали оставаться в тени, предоставляя действовать рядовому крестьянину, ими же подбитому на выступление.

Но местами кулак оказывал бешеное сопротивление. В этом отношении очень любопытно дело о вооруженном сопротивлении на ферме Loges, приведенное у Дюперона⁷. Ферма Лож являлась настоящим контрреволюционным кулацким гнездом. Принадлежала она весьма зажиточному семейству Шаперон. Ее

¹ L o r a i n, Les subsistances en céréales dans le district de Chaumont de 1788 à l'an V, № 1631, t. II, p. 159—160.

² Arch. Nat., F¹²1546B.

³ L o r a i n, op. cit., t. II, 169—170 (№ 1660). См. еще весьма красочное дело злостной недоимщицы, некоей вдовы Lefranc из коммуны Gravelines (дистрикт Берг), которая, имея весьма внушительные запасы хлеба, упорно не желала его обмолачивать. Хлеб съели в конце концов черви (L e f e b v r e, Documents relatifs à l'histoire des subsistances dans le district de Bergues, № 1011, 1015 II, 27, 28—30).

⁴ Дело относится к началу ноября 1793 г.

⁵ Bichet — старинная мера емкости, составлявшая по отдельным провинциям от $\frac{1}{5}$ до $\frac{2}{5}$ гектолитра.

⁶ L o r a i n, op. cit., t. II, № 2182, p. 321.

⁷ Arch. Nat., F⁷ 3688.

⁸ Arch. Nat., AF^{II} 141A/1108.

⁹ М а т в е з, Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора, с. 347—348.

¹⁰ D u p é r o n, La question du pain dans l'Yonne, p. 153—161.

обитатели — старик отец, трое сыновей, взрослая дочь и работница — питали непримиримую ненависть к революции¹. Игнорируя революционный культ, семья совершала у себя дома богослужение. Ферма служила конспиративной квартирой для разного рода заговорщиков. Когда в флореале II г. на коммуну Vauders, к которой принадлежала ферма, наложили реквизицию, семья Шаперон упорно отказывалась доставить причитающуюся с них часть хлеба, хотя и имела значительные запасы. Подозревая, что упорство Шаперонов поощряется местными властями, администрация дистрикта (Mont — Armançe) отрешила их от должности, но это не помогло делу. Когда на ферму Лож явились посланные дистриктом комиссары для производства учета зерна, ее владельцы не только не позволили произвести учет, но и разразились по адресу комиссаров оскорблениями и угрозами. Посланная по распоряжению депутата в миссии Мора вооруженная сила (из 13 человек) оказалась бессильной проникнуть на ферму, так как Шапероны успели застаться оружием, порохом и превратить свое жилище в настоящую маленькую крепость и встретили отряд ружейным огнем. Пришлось мобилизовать 300 национальных гвардейцев, дать им две пушки и начать форменную осаду фермы. Осажденные отчаянно сопротивлялись, убили 5 и ранили 26 человек. Национальной гвардии не оставалось ничего, другого, как поджечь ферму.

Трое из ее защитников (братья Шаперон) погибли в огне. Отец, дочь и работница были захвачены живыми и преданы суду Революционного Трибунала. Двое из них были казнены.

Однако очень часто сопротивление реквизициям, исходившее от зажиточной верхушки деревни, находило поддержку не только у крестьян-середняков², но и у деревенской бедноты, покупавшей хлеб у своих зажиточных соседей, а потому относившейся враждебно ко всякому вывозу хлеба из пределов коммуны³. В этих случаях властям дистрикта и депутатам в

миссии приходилось иметь дело с единым контрреволюционным фронтом всего сельского населения¹.

Но если эти, так сказать, «внешние» реквизиции (в пользу армии или других департаментов и коммун) иногда сплачивали вокруг сельской буржуазии все слои деревни до беспосевной бедноты включительно и таким образом способствовали затупевыванию классовых противоречий, то практика реквизиций, так сказать, «внутренних» — в пользу безземельных членов коммуны — неизбежно приводила к резкому столкновению классовых интересов, причем в одном лагере оказывалось все самостоятельное крестьянство (как кулаки, так и середняки), в другом — деревенская беднота, все «non récoltants»: menagers, manouvriers, artisans, «citoyens sans profession» и т. д.

С обострением продовольственного кризиса в 1793 г. вся эта многочисленная группа «беспосевных» (non récoltants), состоявшая из пролетарских и полупролетарских элементов деревни, а потому вынужденная покупать хлеб для личного потребления, попала в весьма ощутительную зависимость от зажиточного крестьянства, мельников и т. п., снабжавших ее хлебом по вздутым ценам. Особенно тяжелым было положение поденщиков и беспосевных крестьян вообще. Интересы этой потребляющей части деревни, требовавшей скорейшего установления твердых цен на хлеб и приветствовавшей издание закона о максимуме («благотворительный закон»), находились в резком противоречии не только с интересами зажиточного крестьянства, но и с интересами середняка.

Декрет 11 сентября 1793 г. представил manouvriers, проживавшим в деревнях, где не имелось рынков, право запасаться хлебом в своих коммунах, у местных cultivateurs или собственников зерна по бонам, выдававшимся муниципалитетами². Но это еще не означало реквизиции хотя бы части хлебных запасов, имевшихся у среднего и зажиточного крестьянина, в пользу деревенской бедноты или создания для нее права преимущественной покупки. Поэтому фермер мог, не нарушая закона, отказать бедняку в продаже хлеба, который тот намеревался получить по твердой цене. В тех редчайших случаях, когда деревенским санкюлотам удавалось захватить в свои руки муниципалитет, они, подражая санкюлотам города, использовали боны на покупку хлеба у местных cultivateurs, как своего рода ордер на производство реквизиции, не стесняясь прибегать порой к домашним

¹ Из показаний на суде, данных работницей, узнаем, что усадьба Шаперонов состояла из «кошпирных солидно сложенных построек». По ее же указанию в саду нашли зарытыми в яме тонну зерна и тонну муки.

² Сближение середняков с кулацкой верхушкой деревни становится особенно заметно со времени отмены семейного запаса и проведения политики «нивелировки» продовольственных запасов.

³ См. напр. мотивировку коммуны Viteaux (департамент Ионны, дистрикт Tonnerre), отказавшейся выполнить наложенную на нее реквизицию: большая часть ее жителей — беспосевные; labourers, которые кормят эту обездоленную часть деревни, не знают, чем сами будут жить через 2 месяца (Ch. P. ogée, Les subsistances dans Yonne, p. LXVI): 16 фримера III года коммуна Corulotte (департамент Côte d'Or, дистрикт Saumur) отказалась выполнить реквизицию, ссылаясь на то, что почти половине ее жителей нечем существовать до нового урожая. Из ее петиции депутату в миссии узнаем, что мелкие крестьяне опасались, что в дальнейшем другие коммуны не пожелают их снабжать (Arch. Nat. F¹¹ 336).

¹ Категорическое утверждение Фалькнера, будто политика реквизиций всегда с неизбежностью создавала «единый контрнормировочный фронт всех классов от сельской буржуазии до деревенской бедноты» («Бумажные деньги Франц. революции», с. 159) — представляется нам явным упрощением, а потому и искажением действительной картины.

² Rec. des textes: Céréales № 36 (sect. II, art. II).

обыскам, чтобы выявить имевшиеся у зажиточного мужика запасы ¹.

8 сентября 1793 г. Генеральный совет муниципалитета Ла-ферте-сюр-Об (дистрикт Шомон, департамент Верхней Марны), узнав о том, что у 30 домохозяев не имеется продовольствия, так как рынки не снабжаются, наметил 20 земледельцев, которых обязал временно доставлять зерно тем, у кого его нет. Для проведения в жизнь этого постановления был выделен специальный комиссар ².

Но в огромном большинстве случаев положение было иное: деревенская беднота оказалась незащитной перед лицом общего фронта всей производящей части крестьянства, предпочитавшей продавать свой хлеб горожанам или спекулянтам с нарушением закона о твердых ценах. В потребляющих районах в таком же положении могли оказаться целые коммуны ³.

«Большая часть тех, которые имеют продажное зерно, — читаем в письме муниципалитета Villers Guissin (Северный департамент) от 10 июня 1793 г., — не желают продавать его беднякам, которые умирают с голода с деньгами в руках, не желают продавать под тем предлогом, что не могут лишиться его до ближайшего урожая ⁴. Общество свободных людей в Le Régénérant жаловалось (20 вентоза II г.) на «антропофагов» революции, которые «презирают благодетельный закон о максимуме, когда патриоты довольствуются полфунтом хлеба в сутки...» У этих «чудовищ» (monstres), — говорится в той же петиции, — «хватает варварства отказывать нам в предметах первой необходимости, которые они продают частным лицам за 138 л., тогда как по закону мы не можем давать им более 16...» ⁵.

Обычно cultivateurs отказывают беднякам в продаже хлеба, ссылаясь на то, что им приходится сдавать много хлеба государству, а урожай плох; что им нехватает хлеба для собственного потребления, хотя, устанавливая определенный контингент хлеба, который должна была доставить коммуна, администрация дистрикта обычно учитывала необходимость снабжения хлебом местного потребляющего населения ⁶.

Если деревенский санкюлот пытался купить хлеб на городском рынке, обычно он встречал там весьма недружелюбный прием,

ибо городские власти заботились прежде всего о снабжении продовольствием горожан. Нередко деревенский бедняк возвращался из города с пустыми руками. «Бедные поденщики, у которых нет иного оружия защиты, как простосердечие, встречаются насмешками, они не в силах добиться осуществления своего права и возвращаются без хлеба», читаем в одной петиции из дистрикта Дуэ ¹.

В октябре — ноябре 1793 г. во многих деревнях Лилльского дистрикта (Северный департамент) и окрестностей Дуэ бедняки доставали продовольствие с большим трудом, на фермах выстраивались целые хвосты ².

С переходом на систему снабжения через государственные магазины беспосевное население деревенских коммун должно было перейти всецело на снабжение за счет хлебных запасов, реквизируемых у их же односельчан, что только усилило борьбу между деревенской беднотой, с одной стороны, и зажиточным и средним крестьянством — с другой.

Приведем один — два примера разверстки в пользу маломощных крестьян, произведенной среди их зажиточных односельчан. «Дистрикт Шомон, коммуна Dinteville, 8 июня 1794 г. После перевода жителей на норму 51,5 л. (до урожая) требовалось на 339 жителей 17 458 л. муки; имелось в наличии 10 826; дефицит — 6 632 л. Коммуна обращается за помощью в дистрикт, но в виде временной меры Генеральный совет постановляет, чтобы те семьи, у которых имеется более 51,5 л. на душу, внесли излишки в мэрию для распределения среди более нуждающихся ³. В приале II г. (июнь 1794 г.) 5 женщин явились к национальному агенту коммуны Andelot (дистрикт Шомон, департамент Верхней Марны) требовать у него зерна или муки, ссылаясь на то, что «завтра им нечего будет есть». Агент отослал их по домам, затем, удостоверившись в правильности заявления, экстренно созвал муниципальный совет, который особым приказом «возложил на нескольких лиц обязанность немедленно снабдить просительниц зерном или мукой, а также выделил одного из членов президиума для наблюдения за выполнением этой реквизиции» ⁴.

Нередко фермеры отказывались отпустить хлеб беспосевным под предлогом, что они еще не молотили или что им нехватает самим. Когда в июне 1794 г. власти дистрикта Бергуэ включили в контингент хлеба, который должны были доставить местные

¹ Lefebvre, Les paysans du Nord..., p. 628.

² Loraïn, op. cit., t. I, p. 446, № 649; см. также ibid., № 670, 666 (июль, авг. 1793 г.).

³ См. донесение Гривеля от 3 нивоза II г. относительно коммун в окрестностях Парижа, которые обычно мало сеяли хлеба и занимались огородничеством и виноделием, а потому покупали хлеб в городе (Rapports de Grivel et Siret p. 91. Arch. Nat., F¹¹ 201).

⁴ Lefebvre, Les paysans..., p. 612B.

⁵ Arch. Nat., F¹¹, 1176B.

⁶ Loraïn, op. cit., v. II, p. 189.

¹ Ibid., 629.

² Loraïn, op. cit., t. II, 202, № 1769.

³ Loraïn, op. cit., t. II, p. 55, № 1303.

⁴ Loraïn, op. cit., t. II, p. 55, № 1303. Примеры разверстки реквизиций среди беспосевных жителей коммун см. у Lefebvre, Documents relatifs à l'histoire des subsistances dans le distr. de Bergues, II, 35, № 1029, 1030).

крестьяне, известную долю для снабжения беспосевных, деревенским муниципалитетам дистрикта пришлось вести сильнейшую борьбу с cultivateurs, чтобы «вырвать у них зерно, необходимое для прокормления поденщиков, ремесленников и рантье; некоторые cultivateurs отказывались снабжать этих по récoltants»¹. А вот пример столкновений, возникавших на этой почве: «Дистрикт Шомон (департамент Верхней Марны). Гр-н М., селитровар по своим занятиям, явился к мэру, прося 1 кг хлеба; тот справился с учетной ведомостью и выдал ему наряд на 1 кг на гр-на Д., у которого имелось 4 кг излишков. Но Д. отказался доставить свое зерно. Национальному агенту, который настаивал на исполнении закона, он ответил, что его зерно на мельнице и что он его не даст. При повторном требовании его поддерживала жена. Национальный агент пригрозил, что пойдет жаловаться в Шомон и заставит отпустить хлеб. Тогда жена сказала: «Ступай, коли хочешь, а мне на тебя наплевать; если ты туда пойдешь, я может быть попаду туда раньше тебя и ослаблю, как un bon diable»².

Декрет 13 термидора, означавший возврат к системе снабжения через рынки и разрешавший притом запастись продовольствием не более чем на декаду, вызвал новое недовольство среди деревенской бедноты, о чем свидетельствует ряд донесений национальных агентов дистриктов. «Бедняку, — читаем, например, в донесении из дистрикта Aurillac (департамент Cantal), — придется ходить за 3—4 лье в поисках продовольствия, которое он мог бы найти без всякого ущерба у своего соседа; что тот же житель деревни, который предоставляет свою работу в помощь земледельцу (cultivateur), будут снабжаться через рынки только после того, как запастется продовольствием множество бесполезных лиц из административных центров».

«Что делать поденщику (manouvrier), — пишет народное общество в Cremière (департамент Ysère) от 2 фрюктидора II г., — который за недостатком дров ждет случая испечь хлеб вместе с соседом, который, будучи cultivateur, печет однако раз в 2 или 3 недели? К тому же мельницы, за недостатком воды, работают нерегулярно». В мемуаре от 3 фрюктидора II г., представленном в Комитет общественного спасения из дистрикта Is-sur-Tulle неким Dubernard, читаем: «Многие потребители горько жалуются на то, что когда они являются на рынки, чтобы купить зерно, их с жестокостью отсылают обратно, рекомендуя им поискать хлеба в их коммунах»³.

С другой стороны, с изданием декрета от 13 термидора у деревенских муниципалитетов снова явилось искушение свалить

с себя обязанность снабжать хлебом свою бедноту. Из прокламации национального агента дистрикта Tulle (от 25 фрюктидора II г.) узнаем, что местами находившиеся под влиянием крупных собственников муниципальные власти не давали бедняку возможности приобрести хлеб у зажиточного соседа под тем предлогом, что продажа вне рынка воспрещена законом, а в то же время ничего не делали, чтобы обеспечить снабжение рынков, куда они отсылали бедняков с хлебными бонами... Таким образом деревенская беднота попала в полную зависимость от деревенских муниципалитетов и разных «les gros». Бывали случаи настоящего издевательства со стороны местных властей, направленных беспосевных с бонами муниципалитетов туда, где заведомо не было хлеба. «А те ходили понапрасну из коммуны в коммуну»¹.

1 фримера III г. (21 ноября 1794 г.) в заседании дистрикта Carpentras (департамент Vaucluse) выяснилось, что окрестные крестьяне, являясь на местный рынок с бонами на получение хлеба, выданными их муниципалитетами, конкурируют с местными жителями. Дистрикт, учитывая, что коммуны не всегда в состоянии снабжать продовольствием своих рабочих (на основании закона 11 сентября 1793 г.), — «так как собственники зерна уверяют, что у них есть запас, достаточный лишь для собственного потребления», — постановил, что жители деревенских коммун, вернувшие муниципалитетам бонны из-за невозможности реализовать их на городском рынке, должны быть обеспечены хлебом на 1 декаду за счет собственников, которые не выполнили своего наряда по снабжению рынков. Если таковых не окажется, то реквизиция в пользу бедноты должна быть произведена «у собственников, у которых окажутся излишки за вычетом хлеба, необходимого для их собственного потребления до ближайшей жатвы». Наконец, в крайнем случае зерно должны доставить наиболее зажиточные граждане, у которых имеются наибольшие запасы (les citoyens les mieux approvisionnés). Таким образом власти дистрикта устанавливали нажим на наиболее состоятельных граждан. В целях выяснения имеющихся излишков должны быть произведены тщательные обыски. О беспосевных или малопосевных гражданах, у которых найдут зерно в количестве, превышающем месячную потребность, должно быть сообщено Революционному комитету, как о «подозрительных». Однако выполнение распоряжения дистрикта натолкнулось на упорное сопротивление «подлых эгоистов» (vils égoïstes), которые, не довольствуясь объявленным Конвентом повышением твердых цен², не желали сдавать излишков, предоставляя своим мало-

¹ L e f e b v r e, op. cit., №№ 856^a, 1031.

² L o r a i n, op. cit., № 1553 (II, 138).

³ Arch. Nat., F¹¹ 278a, 336.

¹ Arch. Nat., F¹¹ 333. (Extrait du registre des délibérations du district de Tulle. Séance de 25 fruct., an II).

² Имеется в виду закон 19 брюмера III г.

состоятельным братьям (hommes de mediocre fortune) погибать от истощения. Дистрикт снова обращается к коммуна, предлагая еще раз нажать на таких «cultivateurs-propriétaires»¹.

III

Степень успешности проведения продовольственной политики муниципалитетами зависела от их классового состава. Как правило, деревенские муниципалитеты были в руках среднего и зажиточного, уже ставшего контрреволюционным, крестьянства². Деревенская беднота (ménagers, manouvriers) была мало интеллигентна и слишком неорганизована, чтобы забрать в свои руки муниципалитеты, а также наблюдательные комитеты и пародные общества — даже там, где они составляли большинство жителей коммуны³. При таких условиях проведение реквизиций и наблюдение за исполнением закона о твердых ценах вообще не могло быть на должной высоте.

Ру-Фазильяк, эмиссар Конвента в Таранте, получив закон 11 сентября 1793 г., имел все основания писать: «Раз все должностные лица в деревне являются землевладельцами и имеют зерно для продажи, можно ли надеяться на них, как на исполнителей закона, который значительно сокращает прибыль, ожидаемую ими от этой продажи? Можно ли надеяться на вооруженную силу при проведении этого закона в деревнях?»⁴. Действительно, едва ли можно было рассчитывать на исполнение закона там, где в качестве муниципальных чиновников сидели представители зажиточного крестьянства, сами нарушавшие максимум, а потому не могущие преследовать других за его нарушение, не проявлявшие никакой энергии по части обнаружения хлебных излишков, саботировавшие проведение реквизиций или попустительствовавшие сопротивлению реквизициям со стороны своих односельчан.

Соучастие муниципалитетов в нарушении максимума было констатировано в циркуляре комиссии продовольствия и снабжения от 25 сентября 1794 г. (8 вандемьера II г.): «Нам известно, — читаем мы в циркуляре, — что происходит масса злоупотреблений с продажей зерна... что вопреки закону потребители запасаются непосредственно у земледельцев (cultivateurs), притом

покупают сверх предписанной нормы, и что даже некоторые муниципалитеты, вместо того чтобы со всей бдительностью следить за подобными непорядками, напротив, повидимому, покрывают их, чрезвычайно легко выдавая разрешения на провоз зерна (acquit à caution)»¹. В начале мессидора II г. национальный агент дистрикта Auxerre обрушивается на муниципальные власти, упрекая их в соучастии с нарушителями максимума. «Представьте мое огорчение, когда я узнаю, что нарушения закона растут угрожающе на ваших же глазах. Благодаря своей преступной беззаботности вы первые являетесь соучастниками»².

Один деревенский муниципальный чиновник из кантона Attigny (департамент Ardennes) пишет (от вандемьера II г.), жалуясь на засилье кулаков в муниципалитетах: «Землепашцы и собственники зерна устанавливают на него столь высокие цены, что бедняк не может к нему подступиться... Он не получает поддержки со стороны ни одного должностного лица, которыми обычно являются богатые или зажиточные (riches ou aisés) молодые люди. Все муниципальные власти являются первыми нарушителями ваших мудрых законов, они-то и вздувают втрое против нормы цены на свои продукты, поощряют всякого рода скупщиков; их единственный закон — жадность и бесчеловечность...»³.

Администрация дистрикта Arignon (департамент Vaucluse) сообщала (от 2 нивоа II г.): «Много злоупотреблений совершается при продаже зерна... Различные потребители позволяют себе запасаться продовольствием непосредственно у cultivateurs сверх законом установленной нормы. Муниципалитеты... повидимому покрывают эти нарушения закона, слишком легко выдавая разрешения на вызов. Благодаря этому продовольствие скопляется в руках небольшого числа эгоистов..., а рынки не снабжаются. Малосостоятельные граждане с трудом достают себе продовольствие, а жадный собственник при таких обстоятельствах находит случай нарушать закон о максимуме»⁴.

Наблюдательный комитет кантона Mainneville (департамент Eure) подал министру юстиции жалобу на фермера Amory, прокурора коммуны Soucours, обвиняя его в сокрытии предметов первой необходимости, невывозе хлеба на рынок и продаже его у себя на дому с превышением максимума. Наблюдательный комитет требовал его смещения⁵. «Декрет 8 мессидора (об учете урожая и принудительном обмолоте), — говорил 25 фрюктидора II г. национальный агент дистрикта Tulle, — не выполняется; до

¹ Arch. Nat., F¹¹, 411.

² По департаменту Aude мы располагаем данными о социальном составе деревенских муниципалитетов в 42 коммунах после назначения муниципальных чиновников депутатом в миссии. Всюду в качестве членов муниципалитетов фигурируют cultivateurs, редко мельник какой-нибудь ремесленник, секретарь суда (greffier), нотариус, торговец (Arch. Nat.).

³ Lefebvre, Les paysans du Nord..., p. 840. Dommanget, Les grèves de moissonneurs du Valois (Ann. Hist. 1924, p. 530).

⁴ Матвеев, Борьба с дороговизной, с. 290.

¹ Rec. des textes: Céréales, N° 91 (p. 114).

² Dupéron, La question du pain dans l'Yonne, p. 136.

³ Arch. Nat., F¹⁰ 233.

⁴ Ibid., F¹¹ 411.

⁵ Ibid., F¹¹, 213.

сих пор учет произвели всего 14 коммун... Крупнейшие (les plus gros) собственники стоят во главе муниципалитетов; их эгоизм заглушил голос долга. В других коммунах (где у власти стоят санкюлоты) богачи издеваются над санкюлотами, которые напоминают им об обязанности подать декларацию. Эти санкюлоты мало сознают достоинство народа, который облек их своим доверием; они еще склоняются перед идолом богатства...» Между тем, излишки зерна распродаются собственниками по невероятным ценам; так обогащаются они на нужде своих братьев. Строжайшие меры необходимы прежде всего в отношении местной администрации: допускаемую ею волокиту богатые эгоисты используют, чтобы припрятывать или продавать зерно еще до производства учета¹. О поощрении некоторыми муниципальными властями заведомо ложных деклараций, подававшихся крестьянами, уже говорилось².

Деятельность кулацких муниципалитетов местами разоблачали местные народные общества, если деревенские санкюлоты были в них достаточно влиятельны³. Но в целом ряде случаев кулацкие муниципалитеты могли безнаказанно вести свою линию, пользуясь поддержкой именно народных обществ, которые также были в руках зажиточного крестьянства⁴. Получилась своего рода круговая порука: бороться с нарушителями закона становилось невозможно.

В вандемьере II г. был сделан донос на муниципалитет коммуны Nonancourt (департамент Эр, дистрикт Verneuil). Муниципалитет, состоявший из богатых людей, обвинялся в том, что не исполнял своих обязанностей с достаточным усердием, что не опубликовывал закона о максимуме и не вывесил таблицы цен на предметы первой необходимости. Однако, местное народное общество объявило этот донос злостной клеветой и одобрило усердную деятельность муниципальных властей. Администрация дистрикта расследовала дело и тоже реабилитировала муниципалитет.

Тем не менее, есть все основания полагать, что в коммуне далеко не все было благополучно. Из того же доноса (не аноним-

ного, кстати сказать, автор его некий Mallais) узнаем, что муниципалитет третировал патриотов, как «подозрительных»; что в коммуне имелся клуб, но в нем только читали газеты; имелся Наблюдательный комитет, но он смотрел лишь за нравственностью обывателей. Автор доноса рекомендует послать в коммуну гражданина с достаточными полномочиями, чтобы основать новый клуб, раскассировать кулацкий муниципалитет и составить его из санкюлотов. В заключение предлагается назначить в каждой коммуне по специальному комиссару, который под страхом смертной казни должен следить за «пунктуальным» исполнением законов. Такие комиссары должны получать небольшое содержание, достаточное для поддержания жизни и исполнения их обязанностей. Но эти комиссары должны быть взяты из среды деревенской бедноты (dans la classe indigente)¹. Здесь мы имеем дело уже с проектом установления своего рода диктатуры санкюлотов в деревне для реализации продовольственной политики.

В другом случае² народное общество, повидимому, прикрывало своим авторитетом действия муниципальных властей, покровствовавших нарушению максимума.

Часто наблюдавшуюся смычку между кулацкими муниципалитетами и местными народными обществами отметил и Siret. Такая смычка устанавливалась тем легче, что часто одни и те же лица заполняли и муниципалитет, и местное народное общество, и Наблюдательный комитет. «Если взять, например, коммуну Vitry, — говорит он в донесении от 14 пловиза II г., — произвести точный подсчет лиц, входящих в комитет, органы самоуправления и народные общества, останется не более $\frac{1}{8}$ всего населения. Значит, $\frac{7}{8}$, имея общий интерес, позаботятся о том, чтобы обезвредить (rendre inutile) всякого, кто заденет их алчность. Один из местных жителей, которому я высказал эти соображения, ответил на мой вопрос: «Я поступаю так, как все; если меня гильотинируют, придется гильотинировать и Наблюдательный комитет, и муниципалитет, и народное общество, так как все они делают то же самое»³.

IV

Классовая борьба шла и вокруг применения закона о засеве и уборке полей защитников отечества и маломощных крестьян вообще. Декрет 16 сентября 1793 г. обязывал муниципалитеты произвести учет земель, которые остались необработанными за

¹ Arch. Nat., F¹⁰, 233.

² Коммуна Bonnetable, департамент Sarthe, дистрикт Ferté-Bernard (заседание 22 термидора II г., Arch. Nat., F¹², 1547a). См. также Arch. Nat., AF^{II}, 70/519.

³ Rapports de Grivel et Siret, p. 154—155 (Bulletin trimestriel, Année 1907).

¹ Arch. Nat., F¹¹ 333.

² L e f e b v r e, Substances dans le district de Bergues..., № 1465 (II, 494).

³ См. напр. письмо санкюлотов из Chiron — Gardais (департамент Эр и Луары) в Центральное о-во якобинцев, разоблачающее махинации богатых собственников и бывших людей, обративших в пастбище большую часть арендуемых ими бывших церковных земель, чтобы не платить аренду натурой (Arch. Nat., F¹¹, 213).

⁴ «Народные общества, — читаем в донесении Siret (от 26 нивоза II г.), — которые сами состояли из propriétaires-cultivateurs (крестьян-собственников), фермеров и других лиц, заинтересованных в обходе закона о максимуме, держат в таком зажиме местные власти, что эти последние... вынуждены закрывать глаза на нарушения закона, который задевает интересы продавцов» (Rapports de Grivel et Siret, p. 120).

уходом их владельцев в армию (в силу закона 25 августа о массовом наборе), а также наметить из числа жителей коммуны собственников и фермеров для обработки таких земель; при этом должна была учитываться способность отдельных крестьян справиться с этой работой («сообразно их средствам и возможностям»). Очевидно, эта повинность должна была пасть на наиболее зажиточное крестьянство. В то же время, имея в виду интересы наиболее нуждающихся «защитников отечества», декрет предписывает в первую голову начать обработку полей наименее состоятельных граждан (*des citoyens les moins aisés*). Но этого мало: ст. 6 декрета предусматривала обязанность «собственников, фермеров и других *cultivateurs*, после того как они закончат обработку своих полей, вспахать и засеять поля их безлошадных односельчан» (*des particuliers qui n'auront point de chevaux, de mulets, de boeufs*), опять-таки начиная с полей наименее обеспеченных (*des moins fortunés*). За отказ обрабатывать поля маломощных крестьян декрет грозил штрафом в 500 л., причем штраф должен был идти в пользу владельца невозделанного участка. В случае недостатка рабочих рук *laboueurs* получают в свое распоряжение поденщиков (*journaliers-manouvriers*), которых им доставляет коммуна при условии оплаты их обычной ставкой.

Согласно закону 16 сентября¹ 1793 г., департаментские власти Ионны издали приказ, по которому ответственность за своевременный и достаточный засев полей возлагалась на генеральные советы коммун. *Cultivateurs* должны были засеять все земли, распределенные между ними специально назначенными для этой цели комиссарами. В случае отказа такие земледельцы объявлялись «подозрительными» и немедленно арестовывались, засев же полей производился за их счет средствами муниципалитета².

Декрет 23 нивоза II г. (12 января 1794 г.) обеспечивал за всяким земледельцем, который вызовется вспахать и засеять участок, заброшенный в результате военного опустошения, право на получение с собственника или арендатора заброшенной земли $\frac{2}{3}$ урожая, не считая семян; если за месяц до жатвы собственник не заявит своих прав, весь урожай переходит в распоряжение того, кто обработал и засеял заброшенный участок³.

Как видно из административной переписки, администрация дистриктов старалась повидимому обеспечить проведение этого важного постановления в жизнь. В циркуляре национального агента дистрикта Дах (департамент Landes) к национальным агентам при муниципалитетах (27 октября 1793 г.) читаем: «Земли, которые остаются незасеянными вследствие ухода в армию их

владельцев или по другим причинам, должны быть предметом вашего особого внимания. После выяснения коммунами положения таких земель вы должны выделить граждан из своей коммуны, на которых и возложить обязанность их возделывать. Если имеются земли, совершенно заброшенные собственниками, фермерами или земледельцами и если эти последние не имеют инвентаря и семян, в распоряжение властей будут переданы специальные суммы, необходимые для погашения издержек (*pour l'acquit de ces frais*)¹.

А вот несколько примеров, как исполнение декрета проводилось до села. Муниципалитет коммуны Nogent (дистрикт Шомон) возложил обязанность обработки заброшенных полей на одного *laboureur*.

«На первый раз дело шло о бедной вдове, которая не смогла уговорить ни одного землероба обработать ее поле; во втором случае — об одном гражданине, находившемся в том же положении»².

В том же дистрикте по просьбе жены одного волонтера муниципалитет возложил на двух *cultivateurs* обязанность обработать ее участок. В одной из коммун муниципальные власти наложили на трех *cultivateurs* двухдневную повинность для вспашки и засева участка одного крестьянина, который сам был мобилизован по выполнению гужевой повинности³.

Но эти единичные факты, разумеется, еще ничего не говорят, в какой мере декрет об обработке заброшенных земель проводился в жизнь и оказал ли он действительную помощь деревенской бедноте. Официальные донесения местных властей как будто дают на это утвердительный ответ. Так например большинство национальных агентов дистрикта Revel (департамент Верхней Гаронны) сообщали, что земли защитников отечества арендованы и находятся под обработкой, или поля обрабатываются и убираются родителями солдат. Другие вообще не допускают мысли, что братья республиканцев откажут в хозяйственной помощи тем, кто проливает кровь за отечество⁴. Аналогичное сообщение мы имеем из кантона Lunéville департамента Meurte et Moselle⁵, хотя здесь не все еще коммуны дали соответ-

¹ Arch. Nat., F¹⁰ p. 448. См. аналогичный циркуляр администрации дистрикта Riom (департамент Puy-de-Dôme), предписывающий муниципальным властям немедленно объявлять под реквизицией граждан, которые уже закончили свои полевые работы, в целях обработки полей тех владельцев, где не хватает рабочих рук. «Горе эгоисту, горе недостойному гражданину, который осмелится отказать или который без достаточных оснований ограничится отговорками (*ibid.*)».

² Lorain, op. cit., II, 169, № 1459.

³ Ibid., № 1908, p. 244; № 1395, p. 64.

⁴ Arch. Nat., F¹⁰ 448.

⁵ Ibid.

¹ Rec. des textes: Agriculture, 78.

² P o r é e, Les subsistances dans l'Yonne, ch. IV, p. XXXVIII—XXXIX.

³ Rec. des textes: Agriculture, № 106, p. 320.

ствующие сведения. Национальный агент одной коммуны из дистрикта Дах (департамент Landes) сообщает в Комитет земледелия и ремесл (от 23 термидора II г.), чтобы он усердно выполнял законы 16 сентября и 23 нивоза, что дало полный эффект (qui ont reçu leur entier effet). «Я приложил усилия к тому, — пишет он, — чтобы отцы, матери, старики, которые не могут управиться сами, получали существенную помощь в отношении обработки полей и снятия жатвы»¹.

Национальный агент дистрикта Monflanquin (департамент Lot et Garonne) сообщает: «Земля одного защитника отечества была засеяна заботами муниципалитета... земли семи других сданы муниципалитетами в аренду или обрабатываются родителями призванных на военную службу»². 23 термидора II г. национальный агент дистрикта Saint-Brieuc (департамент Côtes du Nord) сообщал, что «чувство братства, издавна объединяющее жителей деревень, естественно привело их, как и в прошлом, к взаимному действию в их работах. Cultivateur, у которого нет ни лошадей, ни плуга, пользуется плугом соседа, как будто он его собственный, потому что в виде компенсации он работает на полях своего соседа, как на своих собственных»³.

Особенную заботливость о судьбе хозяйств солдат-бедняков проявила администрация дистрикта Cluses (департамент Haute Savoie), рекомендуя муниципалитетам организовать нечто вроде воскресников для обработки земель бедноты. «Принимая во внимание, — читаем в циркуляре дистрикта, — что большая часть этих земель принадлежит малосостоятельным (peu aisés) гражданам, муниципалитеты окажут большую услугу отечеству, если обработка этих земель будет проведена братским, гражданским способом, с возможно наименьшими, действительно необходимыми издержками для означенных собственников, особенно тех, чьи земли брошены на попечение вдов или престарелых, неспособных к труду родителей, причем для этого рода работы должны быть использованы дни отдыха» (les jours destinés au repos)⁴.

Однако подобного рода «воскресники», надо думать, практиковались редко. С другой стороны, устанавливая принудительную помощь безлошадным крестьянам со стороны их более зажиточных соседей, закон недостаточно оградил первых от чрезмерных требований со стороны вторых. Правда, декрет от 16 сентября оговаривал, что никто не имеет права требовать за каждый вид подмоги более обычной платы, установленной в марте 1793 г. (ст. 6), а ст. 9 приказа КОС от 7 и 11 прерияля II г. пред-

писывала муниципалитетам в однодневный срок фиксировать (исходя из цен 1790 г. с надбавкой в 50%) плату за перевозку урожая, пользование упряжным скотом, повозками и сельскохозяйственными орудиями...¹. Но, чтобы обуздать аппетиты зажиточного крестьянства, этой меры оказалось недостаточно. Некто Morise, cultivateur из департамента Эр, просит Комитет земледелия (от 9 плувиоза III г.) обязать муниципалитеты «фиксировать цену вспашки в разумном размере, чтобы мелкие земледельцы» (petits cultivateurs) не оказывались постоянно жертвой жадности «аристократии хлебопашцев» (de l'aristocratie des laboureurs), которые, чтобы избавиться от обязанности вспахать поле соседа, требуют с него сумасшедшие цены (des prix foux), хотя никогда не вспахивают полей своих соседей иначе, как в конце сезона, что позволяет им к тому же повышать впоследствии цену на зерно». Автор жалобы предлагает объявить на будущее время под реквизицией всех имеющих лошадей laboureurs и заставить их произвести посев овса не в апреле, как они это практикуют, а в феврале. Иначе поля «мелких земледельцев», у которых нет лошадей, останутся незасеянными².

На заседании Сен-кантенского дистрикта (3 фримера III г.) один из ораторов, выступая от имени petits propriétaires-cultivateurs, также требовал «таксации для издержек по возделыванию всякого рода культур». Оратор указывал, что невозможность нанять за подходящую цену человека с лошадью для вспашки и засева полей приводит к тому, что мелкий земледelec, только что приобретший небольшой клочок земли из фонда национальных имуществ, вынужден отказаться от его обработки и сдать за ничтожную плату в аренду своему зажиточному соседу³. Безлошадные cultivateurs коммуны Luport (дистрикт Dieppe департамента Нижней Сены) 10 вентоза III г. просили Комитет земледелия заставить имеющих лошадей «gros cultivateurs» оказать им помощь в хозяйстве за известное (умеренное) вознаграждение⁴. Администрация дистрикта Grandvilliers (департамент Уазы) сообщила от 9 брюмера III г. «о многочисленности жалоб» на то, что «тогда как издан максимум на все товары, до сих пор не существует ничего определенного, что нормировало бы цену обработки земли, которая уплачивается земледельцам теми, кто не принадлежит к таковым, а потому вынужден во время пахоты и сева обращаться за помощью к cultivateurs». Эти земледельцы требуют за обработку чрезмерную цену, а между тем никакого максимума на этот счет не существует⁵. В Камбрези (Северный департа-

¹ Rec. des textes: Agriculture № 147, art. 9.

² Arch. Nat., F¹⁰, 453—455.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

¹ Ibid.

² Arch. Nat., F¹⁰, p. 448.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

мент) в один прекрасный день фермеры отказались обрабатывать проданные им национализированные земли частью из злонамеренных, частью из контрреволюционных настроений. Этот отказ они распространили и на землю бедноты (*des ménagers et journaliers*)¹.

Все эти заявления и факты свидетельствуют о том, что идиллические картины помощи беднякам со стороны их соседей, картины, которые рисуют донесения некоторых национальных агентов, оказываются при ближайшем рассмотрении весьма неприглядными. Зажиточное крестьянство, если и выполняло декрет об обработке полей своих безлошадных соседей, то требовало за нее непомерную плату. Местами на этой почве пышно расцветали тяжелые формы эксплуатации кулаком деревенской бедноты в виде отработок. Ссужая свой инвентарь беднякам в разгар полевых работ, зажиточная часть деревни вознаграждала себя сторицей, заставляя потом бедноту отрабатывать эту «подмогу»².

С наступлением термидорианской реакции, с замиранием деятельности народных обществ и наблюдательных комитетов или с утратой ими бывшего авторитета в Северном департаменте начались массовые отказы земледельцев обрабатывать чужие заброшенные земли. 26 вандемьера III г. дистрикт Hazebrouk снова отдал распоряжение по коммунам производить раз в декаду или ежемесячно обследование полей через трех земледельцев-патриотов и заставлять приводить в порядок те, которые окажутся заброшенными: лица, уличенные в неявке (*les défaillants*), должны быть объявлены подозрительными, а их урожай — конфискован. Но 26 брюмера мэр коммуны Féschain, просивший при подобных же обстоятельствах помощи и содействия со стороны дистрикта Дуэ, получил ответ, что «теперь меры устрашения не в моде (*la peur n'était plus à l'ordre du jour*), что нет такого закона, который уполномочивал бы на арест слушников, что нельзя заставить частное лицо использовать его скот где-либо в другом месте, кроме его собственного поля»³.

V

Продовольственная политика Конвента, встречавшая упорное сопротивление со стороны всех категорий крестьян-собственников, могла проводиться только при содействии властям со стороны деревенской бедноты (*ménagers et manouvriers*). Это содействие робеспьеровскому правительству принимало как неорганизованные, так и организованные формы. Непосредственная заинтересованность в выявлении хлебных излишков у кулаков и середняков (со времени декрета 25 брюмера II г.), в своевременном за-

сее полей и в максимальном использовании земли под продовольственные культуры побуждала деревенских санкюлотов следить за случаями незаконного вывоза хлеба из деревни, саботажа с обмолотом, сокрытия запасов, продажи с превышением максимума, засева полей кормовыми травами или превращения их в виноградники и т. п.

Законодательство и распоряжения местных властей, систематически поощрявшие систему доносов, стимулировали местную бедноту в этом направлении. По декрету 11 сентября 1793 г. лицо, указавшее на случай купли-продажи вне рынка, получало половину штрафа, установленного за нарушение закона в размере двойной стоимости конфискуемого товара¹. В сентябре 1793 г. Генеральный совет дистрикта Дьерре (департамент Нижней Сены), запрещая культуру рапса (*colsa*), грозил нарушителям этого постановления конфискацией всего урожая, причем $\frac{1}{4}$ его должна была пойти в пользу доносчика, а $\frac{3}{4}$ в пользу бедных коммуны. Приказом депутатов в миссии это постановление дистрикта Дьерре было распространено затем на весь департамент (17 сентября 1793 г.). Национальный агент дистрикта Corbigny (департамент Nièvre) сообщает (от 11 термидора II г.) о неуклонном наблюдении за выполнением закона о максимуме и строгом наказании виновных в его нарушении. Но он тут же прибавляет, что известных результатов удалось добиться лишь благодаря тому, что в дистрикте широко практиковалась поощряемая им система доносов. «Я снова, — пишет он, — заострил внимание коммун дистрикта... Я предложил им неуклонно и строго следить за нарушением максимума. Я доказал, что донос является единственным средством, которое должны пускать в ход патриоты, чтобы обнаружить злостные заговоры»².

Повидимому система доносов действительно была распространена довольно широко³. Иногда местные власти просто распределяли конфискованное зерно среди нуждающихся членов коммуны, чем особенно поощряли бедноту по части доносов. Вот несколько случаев, имевших место в дистрикте Шомон. 13 пририалья II г. (1 июня 1794 г.) один крестьянин заявил, что «в этот день, в 6 час. вечера, он видел гражданку В., перетаскивавшую мешок в сад, где этот мешок был запрятан среди кучи дров. В тот же день несколько членов муниципалитета и Наблюдательного комитета явились к указанному месту и нашли мешок в куче дров. Гражданка заявила, что она не знает, что это за

¹ Другая половина штрафа шла в пользу коммуны; *Rec. des textes: Céréales*, № 36, sect. II, art. 2. См. также ст. 5 раздела I, предусматривающую несвоевременную или ложную заявку об имеющихся продовольственных запасах.

² *Arch. Nat.*, F¹², 1547^d.

³ См. напр. *L o r a i n*, *op. cit.*, t. II, p. 127, № 1511; p. 207, № 2182.

¹ *L e f e b v r e*, *Les paysans du Nord*, p. 827.

² См. выше сообщение национального агента дистрикта Brienc.

³ *Ibid.*, p. 703.

мешок. Мешок был конфискован и принесен в мэрию: в нем оказалось 65 ф. муки, каковые и были распределены между нуждающимися».

«Коммуна Meures, 25 февраля 1794 г. Войдя к гражданину, которого не было дома, они попросили его жену сделать декларацию относительно имеющихся в доме запасов зерна и муки. Затем комиссары приступили к обыску и нашли в отхожем месте (dans un cabinet) мешок отборной муки в 3 буассо, который и был немедленно конфискован. У гражданина К. нашли после подачи им декларации мешок с овсом, запрятанный под комодом, причем собственник заявил, что это он припрятал на семена да «забыл» о нем заявить... Конфискованный хлеб распределили среди наиболее бедных граждан коммуны»¹.

Совершенно естественно, что в атмосфере ожесточенной классовой борьбы, которая развертывалась в это время в деревне, нередко имели место и ложные доносы². Приведем один из многочисленных примеров этого рода. 25 вандемьера II г. администрация дистрикта Сен-Дени (департамент Сены) получила сообщение о результатах расследования, произведенного по делу мэра коммуны Еринау некоего Baudoin (земледельца) и его жены. На этих граждан был получен донос, что вместе с gros fermiers они умышленно не обмолачивают свой хлеб, ставя под угрозу снабжение продовольствием других жителей коммуны. На общем собрании жителей коммуны, созванном комиссаром, граждане с негодованием отвергли обвинение. К дознанию приложены сведения о продовольственных запасах этого cultivateur: он собрал 90 сетье, из них на семена отложил 20, для собственного потребления 20, продал в своей коммуне 24. Итого 79 сетье, остаток 11 сетье. Остаток у Baudoin-сына был определен в 38 сетье. Так как в доносе сын мэра был назван прокурором коммуны, тогда как в действительности он не имел такого звания, то выяснили продовольственные запасы и прокурора; оказалось, что никаких запасов у него не было. В результате директория дистрикта сообщила министру внутренних дел, что «этот донос оказался неопределенным и недостаточно обоснованным»³.

Несомненно однако, что часто бедняк, вынужденный покупать у соседа хлеб выше таксы, являлся соучастником на-

рушения закона, а потому не был расположен выступать в роли доносчика¹.

Но беднота могла оказывать содействие властям и в более организованных формах; принимая, например, энергичное участие в общих собраниях коммун, где, согласно закону 8 мессидора (26 июня 1794 г.), зачитывались все заявки cultivateurs об имеющихся у них запасах зерна; manoeuvriers и ménagers имели возможность изобличать при этом своих вероломных односельчан в подаче ложных деклараций.

Если в муниципалитетах, как правило, наблюдалось засилье зажиточного и среднего крестьянства (cultivateurs), то народные общества, революционные и наблюдательные комитеты, в которые представителям бедноты было легче проникнуть², проявляли большую энергию в наблюдении за проведением продовольственной политики Конвента на местах.

Приказ Комитета общественного спасения от 7—11 прериаля II г., изданный в развитие декрета о мобилизации на сельскохозяйственные работы, прямо возлагал на народные общества обязанность наблюдать за исполнением закона общественными властями и частными лицами³. 21 сентября 1793 г. власти Северного департамента издали распоряжение, в силу которого домашние обыски в целях выявления спрятанного хлеба должны были производиться по требованию народного общества или двух граждан⁴. В департаменте Ионны учет зерна производился в присутствии двух муниципальных чиновников и двух «граждан-информаторов» (indicateurs), взятых из наименее состоятельных⁵.

Приказом депутата в миссии Мора по департаменту Ионны (от 26 фримера II г.) комиссары, назначаемые дистриктами для наблюдения за производством учета урожая, должны были рекрутироваться из кандидатов, представленных местными народными обществами. Кандидаты должны были намечаться из граждан, известных своим патриотизмом, наиболее просвещенных, беспристрастных и наиболее активных⁶.

В ноябре 1793 г. санкюлоты Thiron (департамент Эр и Луары) обратились в Центральное общество якобинцев с письмом, в ко-

¹ Cp. Marion, Le maximum, «Revue des études historiques», juillet — sept. 1917, p. 345.

² Dommanget, Les grèves de moissonneurs du Valois, Ann. Hist. 1924, p. 534.

³ Rec. de textes: Agriculture, № 147.

⁴ Lefebvre, Les paysans..., p. 631. Характерно, что, не доверяя сельским муниципалитетам, где оказалось зажиточное крестьянство, департамент решил посылать для производства домашних обысков у земледельцев особых комиссаров.

⁵ Poree, Les subsistances dans l'Yonne, p. XXXIII.

⁶ Arch. Nat., AF_{II}, 146^b/I 1177.

¹ Logain, op. cit., № 1840, 1934, p. 252—253.

² Обещая доносчику часть утаенного при учете зерна, закон предусматривал возможность ложных доносов, возлагая на таких доносчиков покрытие расходов по производству проверки имеющихся запасов (Poree, op. cit., LXVIII).

³ Arch. Nat., F¹¹, 218. См. также Logain, op. cit., №№ 1309—1310 (II, p. 518) № 1312, t. II, p. 58—59. Arch. Nat., F¹² 1547^d. (заседание нар. об-ва в Bonnetable 22 терм. II г. (департамент Сарты, дистрикт Ferté—Bernard)).

тором говорилось: «Богатые собственники и бывшие сеньеры (les propriétaires et cidevant seigneurs) превратили в пастбище большую и лучшую часть своих полей то ли для того, чтобы сократить общую сумму десятины, которую они должны уплачивать в зерне своим коммуна, то ли в целях извлечения выгод от спекуляции со скотом, который они хотят выкармливать в большом количестве. Санкюлоты обращают внимание Конвента на этот важный вопрос»¹. В дистрикте Шомон (департамент Верхней Марны) народные общества выделили своих представителей при производстве учета урожая. В том же дистрикте народное общество доносит на злоупотребления должностных лиц и обнаруживает спекуляцию хлебом или совместно с Наблюдательным комитетом принимает меры к опровержению ложных слухов о недостатке продовольствия².

В фрюкtidоре II г. народное общество Crémieux протестовало, исходя из интересов рабочих, против декрета 13 термидора³. В прифронтовой полосе, как например в Северном департаменте, где почти всюду была расквартирована армия, сельские санкюлоты получили в своей борьбе с cultivateurs полную поддержку со стороны посещавших народное общество солдат⁴. По распоряжению депутата в миссии Мора (в департаменте Ионны) народные общества должны были составить списки кандидатов, из которых администрация департамента должна была подобрать наиболее надежных республиканцев для комплектования местной революционной армии (8 брюмера II г.)⁵.

Однако деятельность народных обществ далеко не всегда направлялась по линии содействия проведению продовольственной политики Конвента или защиты прав деревенской бедноты. Состоя зачастую в своем большинстве из крестьян-средняков (cultivateurs), деревенские народные общества присоединяют свои протесты к жалобам (неосновательным или основательным — это другой вопрос!) местных cultivateurs и fermiers и деревенских муниципалитетов на чрезмерные реквизиции хлебных излишков, сводящих коммуны на полуголодный паек; на разорительность для крестьянского хозяйства гужевой повинности; берут под свою защиту местные власти, обвинявшиеся в несоблюдении закона о максимуме; протестуют (вместе с наблюдательными комитетами) против декрета 13 термидора, неравномерной разверстки реквизируемого хлебного контингента между дистриктами и т. п.⁶.

¹ Ibid., F¹¹, 213.

² L o r a i n, t. I, p. 498—499, № 747; t. II, p. 233—234, № 1880; p. 58—59, № 1312.

³ Arch. Nat., F¹¹, 278^a.

⁴ L e f e b v r e, Les paysans..., p. 634.

⁵ Arch. Nat., AF^{II}, 137/1061.

⁶ См. напр. Arch. Nat., F¹¹. 336, департамент Côte d'Or, дистрикт Is-sur-Tille; ibid., F¹⁰, p. 453—455; народное об-во коммуны Combas дистрикт,

Наконец, там, где была организована революционная армия, специальные продотряды из национальной гвардии или ударные бригады санкюлотов, дружины для ускорения обмолота, — беднота получала возможность оказать самую энергичную поддержку властям в деле осуществления продовольственной политики и могла действительно терроризировать кулаков¹.

Напомним, что в задачу революционной армии входило не только содействие скорейшему обмолоту, но и проведение реквизиций зерна, обеспечение снабжения рынков, устрашение спекуляторов, содействие обнаружению скрытых запасов хлеба и т. п.². «Многочисленные отряды революционной армии будут переходить из дистрикта в дистрикт, из коммуны в коммуны, вселяя ужас (porter la terreur) в души аристократов и эгоистов», писал Паганель, народный представитель миссии в Верхней Гаронне³. Депутат в миссии Мор, требуя в своем обращении к «гражданам» департамента Ионны от «алчных фермеров немедленного обмолота хлеба и открытия амбаров», грозил посылкой в дистрикт специальных комиссаров, которые, опираясь на «вооруженную силу, составленную из добрых санкюлотов, скоро сумеют... вернуть изобилие и равенство в среду граждан»⁴.

VI

Однако это содействие деревенских санкюлотов продовольственной политике Конвента могло дать существенные результаты лишь в том случае, если революционное правительство действительно повернулось лицом к пролетариям и полупролетариям деревни, обеспечив им влияние в сельских муниципалитетах, наблюдательных комитетах и народных обществах; если бы оно проводило энергичную политику нажима на кулаков

Sommières, департамент Gard; народное об-во Геракла, бывш. Saint-Gilles, дистрикт Ninas; петицию четырех коммун и народных о-в дистрикта Берг; нар. о-во в Aignou, департамент Côte d'Or, дистрикт Chatillon, Arch. Nat., F¹¹, 336; нар. о-во в Blazimons, дистрикт Réol, департамент Жиронды, Arch. Nat., F¹¹ 1176; Ibid., F¹², 1547^a, нар. о-во в Bonnetable, департамент Sarthe; Ibid., F¹², нар. о-ва в Bèze, дистрикт Is-sur-Tille, Arch. Nat., F¹¹ 336; жалобу в Конвент нар. о-ва, Ген. совета и Наблюд. комитета Коммуны Rousses дистрикта Condat — Montagne, департамента Юры, ibid., F¹¹, 1176^a.

¹ См. напр., постановление Генерального совета департамента Сены от 29 октября 1793 г. (Dufresne et Evrard, p. 148—149). Циркуляр Мора в департаменте Ионны (Arch. Nat., AF^{II}, 146^a) (1177), прокламацию нар. представителей в миссии при Альпийской армии, объявляющую об организации бригад молотильщиков из граждан, рекомендованных нар. о-вами (Ibid., AF^{II} 137/1061).

² Arch. Nat., AF^{II}, 137/1061.

³ Ibid., 105/780.

Ibid., 146^a/1177.

при реквизиции хлебных излишков, если бы в борьбе между производящей и потребляющей частью деревни власти приняли сторону последней и обеспечили хотя бы минимальный паек (по твердой цене) деревенской бедноте; если бы приняты были, наконец, действительные меры к обработке и засеву полей безлошадных крестьян их зажиточными соседями.

Только такая политика (наряду с бесплатным наделением землей бедноты из фонда национальных имуществ)¹ могла обеспечить революционному правительству прочные симпатии и энергичную поддержку со стороны деревенской бедноты, способствовала бы отрыву от кулака значительных слоев среднего крестьянства и таким образом затруднила бы образование единого антинормировочного и антиреквизиционного фронта в деревне. Но взять сколько-нибудь энергичный курс на защиту интересов деревенской бедноты (*malouviérs, menagers*) робеспьеровское правительство было неспособно уже в силу своей классовой природы.

Лишь в практике отдельных его агентов (особенно депутатов в миссии, принадлежавших к левому крылу монтаньярства) можно обнаружить зачатки классовой политики в интересах деревенского пролетариата и полупролетариата. Можно, например, привести ряд случаев, когда в ответ на полный или частичный отказ коммуны от выполнения реквизиций народные представители в миссии сознательно проводили политику нажима на кулацкие элементы деревни и некоторых поблажек середняку — политику, которая должна была прорвать единый «антиреквизиционный» фронт, изолировав кулака от бедняка и рядового *cultivateur*, и таким образом заострить классовую борьбу бедноты против сельской буржуазии. Миссии Мора, Фуше, Лебона, Лорана и др. дают достаточно материала, иллюстрирующего эту антикулацкую политику.

Из-под пера этих депутатов выходили наиболее красноречивые, наиболее страстные прокламации, громившие «новую аристократию, поднимающуюся на обломках старого режима и использовавшую завоевания революции для своего обогащения», этих «*fermiers avides, propriétaires égoïstes*» «новых и опасных тиранов», не желающих понять, что плоды обрабатываемой ими земли не принадлежат исключительно им, что они имеют право лишь на необходимый минимум, что все остальное принадлежит одной великой семье»².

¹ Декреты 3 июня, 25 июня 1793 г., 2 фримера и 4 нивоа II г. и даже декрет 13 сентября 1793 г., ставившие своей задачей облегчить деревенской бедноте приобретение земли из национального фонда, оказались явно недостаточными, а потому не могли удовлетворить пролетариев и полупролетариев деревни.

² Ср. инструкцию Lindet, посланного в департамент Манш (13 сентября 1793 г.), где между прочим говорится:

Народный представитель в миссии Laurent, узнав, что сыпка зерна из одного дистрикта идет медленно и что администрации приходится прибегать к помощи вооруженной силы, которая используется... только в отношении мелкого крестьянства (*les cultivateurs peu aisés*), что задержка с исполнением реквизиции происходит благодаря отсутствию строгости со стороны муниципальных властей, а часто и по их попустительству в отношении богатых собственников, — приказал (23 прериала II г.) администрации дистрикта немедленно арестовать в каждой коммуне, которая не выполнила своей доли разверстки, наряду с мэром также «первейшего и самого богатого (*le principal et plus riche*) из *cultivateurs*»¹. Тот же метод нажима на кулачество в целях ускорения реквизиций широко применялся в Северном департаменте, в дистрикте Берг. 7 плювиоза II г. (26/1 1794) Генеральный совет дистрикта постановляет арестовать и доставить в департаментский трибунал по два первейших земледельца или собственника (*principaux cultivateurs ou propriétaires*) от каждого кантона из числа невыполнивших наложенного на них по продразверстке контингента. 29 января дистрикт предписывает арестовать во всех коммунах, за которыми числятся недоимки по выполнению реквизиций, по самому богатому земледельцу (*le plus riche cultivateur*)². Генеральный совет дистрикта Gonesse (департамент Сены и Уазы) постановил (18 прериала II г.), чтобы при выплатах за реквизированное в общественные магазины зерно муниципалитеты начинали с расчетов с наименее состоятельными гражданами (*il commencera par acquitter les personnes les moins aisées*)³.

В других случаях зажиточное крестьянство притягивается в первую голову к выполнению весьма обременительной для сельчан гужевой повинности. Обращаясь с циркуляром к администрации коммун (в связи с выполнением реквизиции мешков, лошадей, повозок для снабжения альпийской и мозельской армий), дистрикт Chatillon sur Seine (департамент Côte d'Or) писал: «Муниципалитеты должны объявить под реквизицией... преимущественно зажиточных граждан (*les citoyens aisés*) своих коммун»⁴.

Некоторые национальные агенты смотрели сквозь пальцы на нарушение закона о максимуме покупателями-бедняками, строго карая продавцов⁵. 11 фримера II г. национальный агент ком-

«Всякий земледелец должен смотреть на себя, как на хранителя (*dépositaire*) предметов продовольствия, принадлежащих республике, как на человека, находящегося под непрерывной реквизицией (Arch. Nat., AF_{II} 120/910).

¹ Arch. Nat., F¹¹ 205.

² Lefebvre, *Subsist. dans le distr. de Bergues*, t. I, p. 445, № 683, p. 448, № 685; *ibid.*, № 686, 689.

³ Arch. Nat., AF_{II} 70/521.

⁴ Arch. Nat., F¹¹, 332.

⁵ Arch. Nat., F¹¹ 411.

муны St. Pons (департамент Hérault) спросил Комитет земледелия и торговли, нужно ли подвергнуть законной каре некоего крестьянина Galy de Caune, которого поймали с 1½ сетью зерна, которое не было куплено на рынке. «Я нахожу, — пишет агент., — крайне жестоком допустить осуждение гражданина, который, будучи вынужден голодом, отправился из своей коммуны, чтобы достать кое-какое пропитание своим детям...» Другое дело продавец, который при настоящих условиях всегда более виновен как лицо, занимающееся «преступной и скандальной наживой», продавец, который всегда находит средство укрыть свою жатву от своих сограждан, а потом драть с них же втридорога. Такого крестьянин должен быть сурово наказан, что и было сделано в данном случае¹.

13 термидора II г. (31 июля) Комитет общественного спасения издал приказ, предписывавший революционным комитетам освобождать лиц, арестованных за ложную заявку о запасах зерна и муки, «если скрытые запасы не превышают количества, необходимого для месячного потребления»². Впрочем это распоряжение центральной власти диктовалось скорее заботами о своевременной уборке нового урожая, чем сознательным стремлением пойти на некоторые поправки деревенской бедноте.

Особый нажим на крупных землевладельцев и кулаков рекомендовался иногда и при проведении принудительного обмолота хлеба для снабжения рынков или беспосевого населения деревни. В инструкции, опубликованной в сентябре 1793 г. депутатом Lindet, посланным в миссию в департаменты Эр, Кальвадос и Манш, проводится любопытное различие между районами крупного хозяйства (les pays de grande culture) и районами, где преобладает мелкая крестьянская собственность (les pays de petite culture). В районах первой категории надо поставить крупных сельских хозяев-собственников или арендаторов (cultivateurs qui font valoir des domaines étendues) под особо бдительный надзор со стороны как всех местных властей, так и всех граждан. Здесь крупных собственников и крупных арендаторов надо заставить немедленно (sans délai) молотить хлеб и вывозить его на рынки. Ослушники будут наказаны, как соучастники заговорщиков и врагов республики.

Другое дело — районы с преобладанием хозяйств потребительского типа, в которых собственного хлеба хватает не более чем на полгода, а в течение остальных 6 месяцев приходится добывать хлеб для собственного потребления на отдаленных рынках. В отношении жителей таких районов, мелких cultivateurs, рекомендуется, наоборот, известная снисходительность: «Пусть они

сами просветят друг друга и предохранят себя от ложного понимания своих интересов и злонамеренности. Они тоже обязаны приступить к обмолоту своего урожая, чтобы иметь возможность хоть что-нибудь нести на рынок, ибо есть совсем безземельные, которые не могут ждать». Но такому мелкому крестьянину дается некоторая отсрочка: он может задержать обмолот своего хлеба и вывоз его на рынок на 1—2 месяца, пока рынки будут снабжаться из запасов крупных хозяйств¹.

«Богатые эгоисты, — читаем в воззвании Фуше (от 25 августа 1793 г.), — ставят себя в ряды подозрительных... они должны быть изъяты из общества и лишены возможности пользоваться своим состоянием, ибо богатство — опасное оружие в их руках...»². Лебон, посланный в миссию в Па-де-Кале, объявил настоящую войну не только городской, но и сельской буржуазии. В пловозе и вентозе II г., по его распоряжению, в департаменте составили списки des gros fermiers и главных плательщиков налогов. Крупные покупщики национальных имуществ также были взяты на учет. Часть этих мероприятий была распространена и на Северный департамент, где был составлен список фермеров, снимавших землю у эмигрантов. В Камбрези двое фермеров были преданы суду и обезглавлены за то, что отказались обрабатывать купленные ими национальные имуществы, а также арендованные ими земли поденщиков и ménagers. Правда, это был единственный случай столь суровой расправы³. В своем обращении к гражданам департамента Ионны (фример II г.) депутат в миссии Мор требовал от «алчных фермеров» немедленного обмолота хлеба и открытия амбаров, грозя посылкой в дистрикт специальных комиссаров, которые, опираясь на «вооруженную силу из добрых санкюлотов», скоро сумеют, вопреки эгоизму собственников, вернуть изобилие и равенство в среду граждан, которым грозит нищета»⁴. Тот же Мор предлагал дистриктам переложить на богатых все издержки по оплате, снабжению провиантом и перевозке специальных продовольственных отрядов, выделенных по его распоряжению из местной национальной гвардии для проведения реквизиции⁵.

Можно привести пример, когда классовая политика в интересах деревенской бедноты проводилась и при реквизиции рабочей силы. 21 сентября 1793 г. Генеральный совет департамента Сены и Уазы в циркуляре муниципалитетам рекомендовал при реквизиции рабочих рук для обмолота зерна «использовать предпочти-

¹ Arch. Nat., AF_{II} 120/910.

² Ibid., AF_{II}, 128/980.

³ L e f e b v r e, Les paysans du Nord..., p. 826 — 827.

⁴ Arch. Nat., AF_{II}, 146v/1177.

⁵ Ibid. Приказ от 7 фримера II г. Приказ Мора об организации революционной армии в департаменте Ионны (от 8 брюмера II г.) был отменен им уже 17 фримера, прежде чем отряды успели сформироваться. Но эти примеры характерны для общей линии его политики.

¹ Arch. Nat. F¹¹ 233.

² Rec. des actes du Comité de S. P., t. XV, p. 551.

тельно тех, которым их доходы позволяют посвятить свое время службе отечеству. Поденщиков надо реквизи́ровать только за отсутствием состоятельных граждан» (*les citoyens aisés*)¹.

Таковы, повторяем, крайне немногочисленные случаи, когда агенты центральной или местной власти пытались взять курс на энергичное подавление сопротивления кулаков и действительную защиту интересов беднейшего крестьянства. Но общая политика Конвента, его представителей на местах и дистриктовой администрации была весьма далека от этого курса.

VII

Может быть нигде мелкобуржуазная природа революционного правительства не сказывалась с такой очевидностью, как в позиции, занятой им в борьбе между сельскохозяйственными рабочими и их нанимателями².

Еще с половины XVIII века по всей Франции наблюдалось падение реальной заработной платы поденщиков. «Ни один класс, — говорит Н. Сée, — не страдал от дороговизны и эпидемий в большей степени, чем поденщики»³.

Революция не принесла ему облегчения. Уже осенью 1791 г. наступил хлебный кризис, особенно больно ударивший по всей беспосевной части деревенского населения. Конец 1792 и начало 1793 гг. принесли новое удорожание хлеба и других предметов первой необходимости. Твердые цены, установленные декретом 4 мая 1793 г., были сорваны крестьянством благодаря попустительству департаментских властей, целиком находившихся в руках крупных собственников. Введение единого максимума на хлеб (11 сентября 1793 г.) и таксация большей части других товаров (декрет 29 сентября 1793 г.) не могли сколько-нибудь заметно изменить продовольственного положения деревенской бедноты: рынки снабжались недостаточно и обслуживали главным образом горожан. Деревенский поденщик оказался отданным на милость своего же соседа — зажиточного крестьянина, зачастую отказывавшего ему в продаже хлеба по твердой цене. Наконец, система снабжения через государственные зернохранилища, введенная с половины ноября 1793 г., прежде всего имела в виду обеспечение продовольствием армии и городских санкюлотов, с настроением которых не могло не считаться робеспьеровское правительство. Обреченные на полуголодное существование сельскохозяйственные рабочие вынуждены были добиваться значительного повышения денежной заработной платы.

Летом и осенью 1793 г. условия борьбы складывались для них как будто благоприятно, ибо благодаря войне спрос на рабочие руки значительно превышал предложение. Лефевр утверждает, что к осени 1793 г. цены на рабочую силу поднялись сильнее, чем цены на хлеб. В ближайшие месяцы рынок труда продолжал сокращаться благодаря проведению массового набора.

Наши документы, относящиеся ко II и началу III гг., полные жалоб на недостаток рабочих рук и их дороговизну, свидетельствуют о напряженной классовой борьбе между крестьянами-собственниками и между всеми теми категориями деревенского населения (*journaliers, manouvriers, ménagers*), которые целиком или частично существовали продажей своей рабочей силы. Разумеется, к этим жалобам, исходившим от зажиточного и среднего крестьянства, жестоко эксплуатировавшего сельскохозяйственных рабочих до и во время революции, надо относиться весьма осторожно, ибо малейшее улучшение в положении рабочего класса казалось *cultivateur* верхом благополучия и приводило его в ярость. «Назовите мне этих низких людей, — читаем в циркуляре Шомонского дистрикта от 29 флориала II г., — предпочитающих дать сгнить на корню сено и хлебы, нежели довольствоваться установленным в законе размером заработной платы! Мы поступим с ними как с «подозрительными», как с врагами республики. Наиболее виновные будут заключены в тюрьму»¹. В то же время дороговизной на рабочие руки циркуляр хочет оправдать нарушение твердых цен крестьянами-собственниками, чем выдает с головой свою классовую природу.

Администраторы дистрикта *Mont-Braine* (департамент *Indre et Loire*) жалуются 21 мессидора II г. на «крайнюю жадность» сельских рабочих, в частности виноградарей². В одном мемуаре из Блуа предлагается ввиду недостатка и дороговизны рабочих рук разрешить земледельческий труд военнопленных, которые должны направляться на фермы муниципалитетами по заявкам земледельцев и собственников³.

Наиболее ярко точка зрения мелкого крестьянина-собственника выявляется в донесении администрации дистрикта *Londani* (департамент *Yienne*) Комиссии земледелия (от 12 фримера III г.): «Мелкие хозяйства, — читаем там, — чахнут, так как в большей части ферм (*métairiers*) съемщик (*le colon*), который держал одного батрака (*domestique*), не может теперь его найти, с другой стороны, поденщики от былой нищеты поднялись к невероятному благополучию (*à une extrême aisance*). Возможность извлекать боль-

¹ Dufresne et Evrard, op. cit., 146.

² Вопрос о классовой борьбе между землевладельцами и сельскохозяйственными рабочими в период действия 2-го и 3-го минимума освещен мною более подробно в статье, помещенной в сборнике «На боевом посту».

³ Н. Сée, *Les classes rurales en Bretagne*, p. 306.

¹ Lorain, *Les subsistances en céréales dans le district de Chaumont*, t. I, p. 500—501.

² Arch. Nat., F¹² 1547a.

³ Ibid., F¹⁰, 453—455. См. также анонимную жалобу из департамента Пале-Кале на неслыханную дороговизну рабочих рук (*ibid.*).

шую выгоду из посещения рынков, которая ему предоставлена, приводит к тому, что поденщик относится с пренебрежением к земледельческому труду и до известной степени забрасывает его. Такса, которую он требует за свой труд, обескураживает *laboureur*, который, собрав жатву, не видит, откуда возместить свои издержки по найму рабочей силы. Земледелец обескуражен. Он впадает в отчаяние и, чтобы избавиться от опостылевших ему реквизиций, готов забросить обработку своей земли. Он поговаривает о продаже своего скота, лишь бы пожить спокойно, как рабочий, участи которого он завидует. Да и в самом деле: не мешает сказать, что те, что живут от сельских работ, точно сговорились ничего не делать иначе, как на ужасающих для собственников и фермеров условиях... Закон о максимуме действует лишь в отношении хлеба и фуража, но нарушается, несмотря на бдительность администраторов. Рабочий берет непомерную (*exorbitant*) плату за все, что бы он ни делал¹.

Итак, максимум ударил якобы только по крестьянам-землеборам, а «лодырь»-рабочий требует чудовищной платы за свой труд. Как бы ни преувеличивалось здесь благоденствие рабочего (не забудем его мытарств в поисках за хлебом), эти многочисленные жалобы свидетельствуют о редкости рабочих рук и трудности их заполучить по таксе. В пловизоде II года Комитет общественного спасения констатирует, что жители деревень жалуются на недостаток в рабочих руках, крупные хозяйства заброшены, земледелие чахнет².

В этой борьбе между самостоятельными крестьянами-землеборами и сельскими рабочими мелкобуржуазное революционное правительство поддерживало первых, широко практикуя реквизицию рабочей силы в деревне, развертывая антирабочую политику таксации заработной платы и сурово карая уклонения от реквизиции и малейшие попытки сельскохозяйственных рабочих добиться повышения заработной платы путем забастовок. В сущности вся система правительственных мероприятий в этой области, ставившая — под предлогом охраны общественных интересов — свою задачей обеспечить землевладельцев более дешевым трудом, была настоящим террором, направленным в интересах собственников против пролетариев и полупролетариев деревни.

Свою антирабочую политику Конвент начал с попытки свести на-нет достигнутые поденщиками успехи и добиться снижения заработной платы. Декрет 29 сентября 1793 г. устанавливал твердые цены не только на предметы первой необходимости, но и на

рабочую силу. Правда, в отношении заработной платы закон допускал повышение на 50% (по сравнению с 90-м годом), тогда как повышение цен на все прочие товары не должно было превышать $\frac{1}{3}$. Но фиксация заработной платы предоставлялась усмотрению местных муниципалитетов, сплошь состоящих из *cultivateurs* и *laboureurs*.

Таким образом установление твердых цен на рабочие руки всецело предоставлялось на усмотрение одной из заинтересованных сторон (нанимателей).

Однако в большинстве случаев деревенские муниципалитеты не спешили приводить закон в исполнение. В Северном департаменте значительная часть коммун долгое время не использовала своего права таксировать цены на рабочие руки. В департаменте Ионны в жерминале II г. таксация не была еще проведена. Из приказа Комитета общественного спасения от 18 фрюктидора II г. (4 сентября 1794 г.) видно, что многие муниципалитеты все еще не удосужились установить у себя твердые цены на рабочие руки¹. Там, где муниципалитеты использовали свое право, максимум заработной платы был установлен довольно высокий.

Эта либеральная политика сельских властей объяснялась тем, что свести заработную плату к установленному законом размеру было при всем желании невозможно. Рабочий становился все требовательнее, учитывая систематическое нарушение закона о максимуме земледельцами, у которых он вынужден был покупать продукты питания. Простое повышение заработка с 1790 г. на 50% ни в коей степени его не удовлетворяло. Боязнь потерять рабочих, которые могли уйти в другую коммуну, где заработок был выше, удерживала сельские власти от таксации заработной платы или побуждала их устанавливать таковую в достаточно высоком размере.

Ряд других правительственных мероприятий шел по линии принудительного закрепления поденщиков за их обычными нанимателями. Еще декрет 11 сентября 1793 г., устанавливавший единый максимум цен на хлеб, предоставлял властям право реквизировать рабочие руки для производства обмолота². Декрет 16 сентября 1793 г. разрешал муниципалитетам объявлять под реквизицией поденщиков для уборки полей защитников отечества и маломощных крестьян. За отказ от выполнения реквизиции рабочий подлежал трехдневному, а в случае рецидива трехмесячному аресту на основании простого распоряжения муниципальной полиции. Декрет 29 сентября 1793 г. давал муниципалитетам право не только устанавливать максимум заработной платы, но и реквизировать и наказывать, смотря по обстоятельствам, тремя

¹ Arch. Nat., F¹⁰, 453—456.

² См. также жалобы крестьян-землеборов на злоупотребления со стороны рабочих правом глянажа. Arch. Nat., F¹⁰, 453—455 (донесение Наблюдательного комитета в Longjumeau от 28 флор. II г.).

¹ Lefebvre, Les paysans du Nord..., p. 652, 656, 653¹, 174⁴, 175.

² Dupéron, op. cit., Rec. des actes: Céréales, № 36, art. 19.

днями ареста рабочих «... если они без уважительных причин откажутся от выполнения своих обычных работ»¹.

Эти декреты не остались без применения. Так, Генеральный совет департамента Сены и Уазы в своем приказе от 26 сентября 1793 г. грозил уклонившимся без законных оснований от реквизиции сельским рабочим зачислением их в разряд «подозрительных»².

21 октября прокурор-синдик департамента Дубе, ссылаясь на ст. 9 закона 29 сентября, объявил под реквизицией для обмолота зерна поденщиков и обязал муниципалитеты заставить рабочих молотить³. Та же мера проводилась и в дистрикте Шомон, в департаменте Верхней Марны, где в сентябре 1793 г. все *manouvriers et bachelons* (дровосеки) были приписаны в качестве молотильщиков к определенным *cultivateurs* без права оставлять работу без разрешения муниципальных властей⁴. Декрет 11 прериаля II г. (30 мая 1794 г.) объявлял ввиду предстоящей жатвы под реквизицией «всех граждан и гражданок, которые обычно заняты работами по уборке урожая (*qui sont dans usage de s'employer aux travaux de la récolte*), независимо от того, живут ли они в деревне или в городе. Их заработная плата должна была быть фиксирована установленными властями на местах. Декрет грозил за отказ от выполнения реквизиции, а также за всякого рода коалиции в целях прекращения работ или их приостановки, и за требование произвольной заработной платы преследованием и наказанием, как за контрреволюционное преступление»⁵.

Этот декрет был дополнен специальным постановлением Комитета общественного спасения (от 7 и 11 прериаля). Генеральным советам коммун вменялось в обязанность немедленно составить списки рабочих, обычно занятых на полевых работах, учитывая как местных, так и пришлых рабочих-сезонников, и в течение суток фиксировать поденную заработную плату (исходя из цен на рабочие руки 1790 г. с надбавкой в 50%). Там же объяснялось, что мобилизации на уборку урожая подлежат и те граждане, которые бросают свои обычные занятия на время жатвы⁶. За коалицию в целях отказа от выполнения реквизиций или в целях повышения заработной платы приказ Комитета общественного спасения грозил преданием суду Революционного трибунала⁷.

В департаменте Нижней Шаранты депутат в миссии Гренье

издал (18 прериаля II г.) обязательное постановление, в силу которого муниципалитеты должны были выявить, путем опроса через особых комиссаров, семейное положение и род занятий всех жителей, источники их средств к существованию. Учету подлежали все, кроме больных и стариков (старше 60 лет), а также лиц, занятых регулярной и полезной деятельностью, все прочие объявляются мобилизованными. Муниципалитеты составляют списки таких «бездельников» и «праздных» людей. Если земледельцы будут нуждаться в рабочих руках, они могут получить от своего муниципалитета «un billet» (наряд) на тех или иных лиц, попавших в такой список. За отказ от работы по реквизиции виновный наказывается в первый раз месяцем тюрьмы, при рецидиве он попадает в список «подозрительных». Заработная плата мобилизованных в таком порядке лиц не может превышать установленной таксы. Если рабочий потребует больше и если наниматель не сможет его заставить работать без повышения платы, он может дать требуемое вознаграждение, но в течение суток обязан заявить об этом властям. Такого заявления достаточно, чтобы рабочий был подвергнут месячному аресту и штрафу в размере полученного им излишка¹.

В термидоре II г. Мор распорядился перебросить косцов и жнецов из департамента Йонны в департамент Сены и Марны, где предвиделся обильный урожай. Дистрикты должны были представить в департамент списки мужчин и женщин, которые обычно уходят на заработки во время жатвы².

Другие правительственные распоряжения дополняли и развивали статьи декрета 29 сентября о таксации заработной платы, слабо использованного, как мы видим, деревенскими муниципалитетами. В силу приказа Комитета общественного спасения от 29 прериаля II г. (17 июля 1794 г.) заработная плата, получаемая натурой, должна была выдаваться по норме 1790 г. без всякой надбавки³. Это постановление было весьма невыгодно для сельскохозяйственных рабочих. Получая то же количество зерна, что и в 1790 г., жнецы не могли обменять его на то же количество других необходимых продуктов, которые они могли получить в 1790 г.⁴ Ввиду того, что во многих дистриктах ограничили таксацией заработной платы жнецов, заработная же плата молотильщиков не была нормирована, что создавало значительную разницу в оплате труда жнецов и молотильщиков и затрудняло своевременный обмолот, Комитет общественного спасения издал (8 июля 1794 г.) особый приказ, стремившийся выравнять заработ-

¹ Duvergier, t. VI, p. 239, art. 9.

² Dufresne et Evrard, op. cit., p. 146.

³ Mathiez, La vie chère, p. 401.

⁴ Lorain, op. cit., t. I, p. 459—460.

⁵ Rec. des textes: Agriculture, № 146, p. 90, № 147, art. 1—5, 7, 8, 12, 13.

⁶ Повидимому здесь разумелись рабочие, занятые в промышленности, но сохранившие связь с деревней.

⁷ Rec. des actes du Comité de S. P., t. XIV, p. 26—28.

¹ Arch. Nat. AFII 93/687.

² Dupéron, op. cit., p. 178.

³ Rec. des textes: Agriculture, № 158, p. 96.

⁴ Maurice Dommanget, Les grèves de moissonneurs du Valois (Annales Hist., 1924, p. 522).

ную плату рабочих этих двух категорий. «Там, где оба эти вида работы оплачивались в денежной форме, — читаем в приказе, — заработная плата молотильщиков должна быть установлена на тех же основаниях, что и вознаграждение жнецов во время жатвы, а затем уменьшается пропорционально заработной плате других рабочих и пастухов. Там, где жнецы получали вознаграждение натурой, а молотильщики деньгами, заработная плата последних должна быть нормирована в соответствии с исчислением заработной платы первых на время полевых работ»¹.

Как реагировали сельскохозяйственные рабочие на все эти распоряжения правительства, явно исходившие из интересов нанимателей? В ряде департаментов прериальские приказы Комитета общественного спасения натолкнулись на упорное сопротивление со стороны сельскохозяйственных рабочих (особенно молотильщиков), отказывавшихся работать по таксе, подчиниться мобилизации, о чем свидетельствуют донесения местных властей, а также свирепые приказы депутатов в миссии, угрожавших рабочим самыми жестокими карами до смертной казни включительно. В приказе Дартигойета (от 30 прериала II г.), депутата в миссии в департаментах Gers и Haute Garonne, читаем: «Всякий гражданин или гражданка, который вздумает отказаться от работы — косить сено, жать или молотить снопы — будет немедленно арестован и присужден к уплате штрафа в 100 ливров и тюремному заключению на 3 месяца»².

5 мессидора II г. депутат при восточной пиринейской армии (Milhaud) издал приказ, согласно которому граждане, отказывающиеся подчиняться распоряжению относительно реквизиции рабочих рук для уборки хлеба или стремящихся от нее уклониться, будут рассматриваться как «враги человечества и наказываться смертью»³.

Местами в качестве метода борьбы жнецы и молотильщики пускали в ход стачку и саботаж. 2 фрюктидора II г. национальный агент дистрикта Lagraff (департамент Var) доносил о коалиции, имевшей место среди domestiques des laboureurs. «Эти челядинцы не желают наниматься для продолжения полевых работ или требуют слишком большой (beaucoup trop considérable) платы. «Существует, — пишет агент, — ужасная коалиция, которая... в период возобновления договора о найме совершенно лишает laboureurs их слуг. В результате поля собственников останутся без помощи, запряжки — без погонщиков, стада — без пастухов, так как никто не желает наниматься». В заключение национальный агент требует принятия срочных мер»⁴.

В октябре 1793 г. в дистрикте Берг Северного департамента молотильщики применили в качестве методов борьбы саботаж; после молотбы в снопах оставалось до половины зерна. После того как стало известно распоряжение дистрикта, предписывавшего муниципалитетам фиксировать заработную плату молотильщиков, не превышая однако нормы 20 су за rasière¹, молотильщики пригрозили бросить работу, если им будут платить по максимуму. Дистрикт вынужден был согласиться на оплату их времени по старой норме².

В провинции Валуа за интересующий нас период было два случая стачки-среди жнецов (в Penlis и Barbery). В одном из них дистрикт сделал попытку вмешаться в конфликт и послал своего комиссара. Увещения последнего не имели однако успеха. «Видно, что не жнецы преобладают в директории дистрикта!» — сказал комиссару один из рабочих. Дистрикт посылает военную команду с приказом арестовать «подстрекателей к мятежу»³.

Коалиция рабочих, в связи с отказом работать по максимальным ставкам, имела место и в ряде других дистриктов — Лаоне, Берге, Сансерр, Маренн, Динь и др.⁴.

Случаи стачек среди сельскохозяйственных рабочих были гораздо многочисленнее, чем это можно думать на основании прямых сведений о забастовках. Косвенно об этом свидетельствует не только ряд декретов и приказов Комитета общественного спасения, предусматривавших коалиции сельскохозяйственных рабочих, но и свирепые мероприятия депутатов в миссии. Знаменитый закон Ле-Шапелье (14 июня 1791 г.), воспрепятствовавший рабочим коалиции, считался уже недостаточным. Декрет 16 сентября 1793 г. (о принудительном порядке обработки заброшенных полей) предусматривает в особой статье возможность стачки среди рабочих-поденщиков, мобилизованных в распоряжение фермеров или земледельцев, на которых будет возложена эта повинность. Закон грозит стачечникам 9-месячным содержанием в окопах. «Поденщики и рабочие, — гласил приказ Комитета общественного спасения от 7 прериала II г., — которые вступят в коалиции в целях отказа от работ, требуемых от них в порядке мобилизации, или в целях предъявления требования о повышении заработной платы... будут преданы суду Революционного трибунала». Приказ Комитета общественного спасения от 18 фрюктидора II г. (4 сентября 1794 г.) грозит вступившим в коалицию виноградарям двухнедельным арестом. Другой приказ (от 22 фрюктидора II г.) предусматривал возможность саботажа со

¹ Rec. des textes: Agriculture, № 170, p. 101—102, art. 1, 2.

² Dommanget, op. cit., p. 525.

³ Ibid.

⁴ Arch. Nat., F¹⁰ 453—455.

¹ Rasière — старинная мера для сухих предметов емкостью в 70,14 литра употреблявшаяся во французской Фландрии.

² Lefebvre, Documents, t. I, p. 467, № 713.

³ Dommanget, op. cit., p. 526—529.

⁴ Матьез, Борьба с дороговизной, с. 450.

стороны молотильщиков, которые будут оставлять зерна в снопах¹.

Что касается рабочей политики местных властей, то она варьировалась в зависимости от местных условий, хотя по своему классовому составу генеральные советы коммун и дистриктов менее всего были склонны отстаивать интересы труда. «Муниципалитеты, — говорит Домманже, — были до такой степени проникнуты классовым духом, что случаи, когда муниципальные чиновники принимали сторону стачечников, были крайне редки и рассматривались «как прискорбные исключения». Обычно установленные власти (коммуны, дистрикты) оказывались на стороне нанимателей даже в тех случаях, когда местная администрация выступала в качестве посредника между борющимися сторонами².

Некоторые дистрикты, как например Суассонский, выступили застрельщиками по проведению мобилизации сельскохозяйственных рабочих и по борьбе с нарушениями последними законов о максимуме и с коалициями³.

Дистрикт Камбрэ (Северный департамент) принял специальное постановление против рабочих коалиций, а также против муниципалитетов, которые проявляли небрежность в деле их преследования. Администрация дистрикта Avesnes (там же) воспретила рабочим уходить от хозяина, к которому они нанимались. За требование платы выше максимума и там и здесь рабочим грозило предание суду Революционного трибунала⁴.

Идя навстречу пожеланиям cultivateurs, страдавшим от ухода рабочих в коммуны с более высоким максимумом заработной платы, некоторые дистрикты установили, вопреки закону, единообразные ставки для сельскохозяйственных рабочих по всему дистрикту⁵.

Если в других местах генеральные советы коммун и дистриктов были не столь ретивы, медлили с установлением максимальных норм заработной платы или фиксировали ее недостаточно высоко, недостаточно энергично преследовали рабочих за стачки и отказ от мобилизации или требование платы, превышавшей максимум⁶, то это объясняется, разумеется, отнюдь не их ра-

¹ Rec. des textes: Agriculture, № 78, art. 5, p. 311; № 147, art. 12; № 207, — art. 4—5; № 206, art. 6.

² Dommanget, op. cit., p. 530—531.

³ См. подробно разработанный регламент о мобилизации сельскохозяйственных рабочих, изданный Суассонским дистриктом 5 прериаля II г., т. е. еще до появления соответствующего постановления Комитета общественного спасения (от 11 прериаля). Матьез, Борьба с дороговизной..., с. 446—447.

⁴ Lefebvre, Les paysans..., p. 655.

⁵ Матьез, op. cit., p. 499. См. также Rec. des textes du Comité de S. P., t. XVI, p. 580.

⁶ См. Lefebvre, Les paysans..., p. 655. Матьез, op. cit., p. 450—451.

бочелюбием, а острым, все усиливающимся недостатком в рабочих руках¹ и борьбой за рабочую силу между крестьянскими хозяйствами, затруднявшей последовательное проведение антирабочей политики деревенскими муниципалитетами.

В конце термидора II г., учитывая недостаток в рабочих руках, Версальский дистрикт вынужден был нарушить постановление Комитета общественного спасения от 20 мессидора II г. и повысить максимум вознаграждения молотильщиков. В мессидоре II г. дистрикт Берг, где недостаток в рабочих руках и конкуренция из-за них между коммунами чувствовались особенно остро, установил, вопреки закону, единообразный максимум оплаты труда жнецов, причем такса значительно превосходила твердые ставки большей части муниципалитетов².

Наконец в пределах коммун максимум цен на рабочие руки фактически нарушался благодаря конкуренции между нанимателями, подрывавшими классовую солидарность среди землевладельцев, пользовавшихся наемным трудом. Даже кулацкие муниципалитеты местами вынуждены были смотреть сквозь пальцы на случаи нарушения закона.

29 флореаля II г. администрация дистрикта Шомон (департамент Верхней Марны) обратилась к муниципальным чиновникам с циркуляром, рекомендуя обратить внимание на нарушение закона о максимуме при оплате труда рабочих: «До нашего сведения, граждане, дошло, — читаем там, — что некоторые сельские хозяева уже успели сговориться с рабочими с целью обеспечить уборку урожая на своих полях и обмолот его. Для этого они обещали рабочим очень высокую плату. Среди прочих некоторые богатые собственники (quelques riches propriétaires) подняли заработную плату до таких размеров, что если она останется на этом уровне, другим, менее состоятельным собственникам и фермерам трудно будет убрать жатву...» Дистрикт рекомендует муниципалитетам применять закон во всей его строгости и в случае надобности мобилизовать рабочих для снятия урожая³.

В флореале II г. (мае 1794 г.) Продовольственное бюро в Тулузе просило народного представителя в миссии Дартигойета издать приказ, одна из статей которого гласила: «Земледельцам воспрещается сманивать рабочих оплатой выше максимума. Ослушники объявляются «подозрительными» и контрреволюционерами»⁴.

Можно с уверенностью сказать, что такого рода циркуляры вряд ли изменяли положение дела. Классовая солидарность

¹ «Pénurie d'ouvriers en tout genre» (Arch. Nat., F¹¹ 278^a).

² Dufresne et Evrard, op. cit., p. 154—155.

³ Loraïn, op. cit., I, p. 500—501.

⁴ Adher, op. cit., p. 92.

нанимателей прорывалась соображениями личной выгоды. С другой стороны, муниципалитеты, обычно состоявшие из зажиточного крестьянства, менее всего были склонны преследовать нарушителей закона, каковыми являлись как рабочие, так и более состоятельные наниматели, переманивавшие поденщиков у своих же соседей предложением более высокой заработной платы.

Что борьба за рабочие руки, имевшая место в Шомонском дистрикте, не была единичным явлением, на это указывает изданный Комитетом общественного спасения специальный приказ (от 13 прериаля II г. — 1 июня 1794 г.), воспрещавший предпринимателям соглашаться на заработную плату, превышавшую максимум¹. Об этом же свидетельствуют специальные статьи в приказе Комитета общественного спасения относительно земельных контрактов и обязательств (от 6 фрюктидора II г. — 23 августа 1794). Приказ грозит штрафом (в размере всей причитающейся рабочему платы) тем фермерам и половникам, которые возьмут к себе рабочего без удостоверения муниципалитета об истечении срока предыдущего найма. Штраф должен идти в пользу хозяина, от которого ушел до срока рабочий².

Суровое рабочее законодательство и его применение на местах, продиктованное интересами сельских хозяев, означало энергичное вмешательство властей в острую классовую борьбу, происходившую на фоне жестокого продовольственного кризиса 1793/94 г., между сельскохозяйственными рабочими и их нанимателями. Если недостаток рабочих рук и борьба за них между отдельными коммунами и внутри коммун в значительной степени парализовали эффект репрессивных мер, направленных против деревенских пролетариев и полупролетариев, то в общем антирабочая политика правительства лишала его симпатий пролетарских и полупролетарских слоев деревни. В то же время правительством почти ничего не было сделано для действительной защиты интересов этих слоев как потребителей сельскохозяйственных продуктов.

Беспомощные в борьбе с производителями хлеба — зажиточным крестьянством — деревенские санкюлоты могли стать грозной силой благодаря поддержке со стороны санкюлотов города. Идея такой смычки между городской и деревенской беднотой на почве общности интересов в борьбе с единым фронтом домоовитых крестьян — производителей хлеба — уже мелькала в умах.

Национальный агент дистрикта Tulle (департамент Corrèze) писал летом 1794 г. в своей прокламации «К истинным санкюлотам города и деревни»:

«У сельских поденщиков и городских рабочих-санкюлотов,

которые всюду не являются собственниками хлеба, один и тот же интерес. Их дело, бесспорно, — общее дело: как те, так и другие должны работать над тем, чтобы продовольственные запасы были полностью выявлены и равномерно распределены, все они должны неукоснительно наблюдать за собственниками зерна, которые, в свою очередь, все держатся вместе в силу общности их противоположных интересов (qui sont tous réunis par un intérêt opposé).

Объединенные любовью к равенству, санкюлоты, какова бы ни была их профессия, должны еще сплотиться в одно достаточно крепкое целое (se lier encore par un noeud aussi fort que celui de la nécessité) на почве борьбы с нуждой».

Автор прокламации указывает на то недоверие и рознь, которые, благодаря злостной агитации, возникли между городской и деревенской беднотой на почве противопоставления города деревне вообще.

«Я наблюдал, — пишет он, — усилия эгоистов, которые хотели вас разьединить. В городах говорили: крестьяне хотят взять измором город. В деревнях еще громче кричали: городские лодыри хотят отнять у вас продукты, которые вам достались потом и кровью! А затем и с той и с другой стороны приводят отдельные факты, чтобы взрастить эти зародыши розни. Такие толки я с прискорбием слушал даже из уст тех, во вред которых они распространяются... Будьте же едины, как никогда...»

В дальнейшем автор разъясняет, кто сеет панику в деревнях и натравливает бедняка и середняка на городских рабочих, и он пытается отколоть середняка от кулака.

«Особенно, — пишет он, — стараются сбить с толку вас, крестьян-тружеников (laboureurs-cultivateurs), хотят оградить коммуны барьерами, за которые вы не должны показывать носа. Вам ежедневно твердят: нам самим для собственного потребления нужно зерно, которое имеется в нашей коммуне. Если оно уйдет от нас, вы рискуете остаться голодными. Правда, вам говорят о рынках, но пойдите вы туда, вы ничего не найдете. Все, что там появляется, пожирают горожане, вы только вернетесь опечаленными с пустыми мешками к своим голодным семьям.

Кто же виноват в том, что рынки пустуют? Богатые собственники и находящиеся под их влиянием муниципалитеты, которые ничего не предпринимают, чтобы заставить зажиточных крестьян везти хлеб на городские рынки, и в то же время используют отсутствие хлеба на городских рынках как агитационное средство, натравливая деревенскую бедноту на горожан, которые-де все отняли у крестьянства.

«Чтобы дать основание этим вероломным толкам, — читаем дальше, — они оставляют скирды нетронутыми, а когда молотят, то зерно немедленно же исчезает. Его либо прячут, либо из-за побуждения еще более жестокого эгоизма — продают по цене, в 3—4

¹ Rec. des textes: Agriculture, № 150,

² Ibid., № 199.

раза превышающей установленную законом. Чтобы вы ничего не нашли на рынке, туда ничего не везут. Таким образом в агитации против закона пускают в ход его несоблюдение... Находятся собственники, находятся и общественные власти, которые со всей строгостью следят за исполнением закона, который воспрещает вчерашнее снабжение. Но, отказывая под этим предлогом бедняку в продовольствии, они ничего не предпринимают для снабжения тех самых рынков, куда они отсылают бедноту за хлебом. Или они противятся такому способу самоснабжения, а потом прямо говорят доведенному до отчаяния отцу семейства: «ведь говорил я тебе толком, что горожане все забрали!...»

Все эти рассуждения имеют целью восстановить доверие к городским санкюлотам у деревенской бедноты и у крестьян-середняков, которые не решались везти свои хлебные излишки в город, опасаясь, что потом они ничего не достанут на городских рынках. Иначе говоря, здесь мы имеем попытку отколоть от зажиточного крестьянства и богатого фермерства не только бедняка, но и середняка. Эта любопытная прокламация заканчивается призывом к городским санкюлотам.

«А вы, санкюлоты городов, уважайте деревенского поденщика как вашего кормильца, делитесь с ним по-братски, а не старайтесь получить больше, чем он дал (2 фрюктидора)»¹.

Другой проект создания блока городской и деревенской бедноты для совместного давления на деревенских собственников и муниципальную администрацию находим в адресе, направленном (10 брюмера III г.) в Конвент от имени мэра, муниципальных чиновников и частных лиц города Мбсон'а (главный город департамента Саоны и Луары). Как видим, и этот проект — городского происхождения.

Констатируя, что закон о максимуме не выполняется, что власти вынуждены молчать, что особенно страдают от этого рантье и бедняки, авторы адреса предлагают Конвенту снабдить посылаемых в миссию представителей особыми полномочиями на предмет принятия самых решительных мер, чтобы обеспечить исполнение закона и нанести решительный удар «эгоизму собственников». В числе этих мер рекомендуется предложить всем отдельным представителям в миссии «послать во все коммуны республики комиссаров, которых обязательно должны сопровождать патриоты из народных обществ. К голосам этих санкюлотов... скоро присоединятся деревенские патриоты. Таким образом сформируется ядро, способное расти и внушать страх эгоистам-торговцам и собственникам, способное заставить муниципалитеты дать отпор нарушителям закона. Мы

¹ Arch. Nat., F¹¹-333.

говорим о сельских муниципалитетах, так как неисполнение этих двух законов зависит особенно от эгоизма деревень»¹.

Как видит читатель, здесь мы имеем дело с попыткой противопоставить уже на деле, путем проведения конкретных мер, единому фронту деревенских собственников фронт организованных городских санкюлотов, опирающихся на деревенскую бедноту. Но оба эти проекта остались в области благих пожеланий.

Продовольственная политика Конвента углубила и обострила классовую борьбу в деревне. В борьбе с сельской буржуазией, срывавшей систему максимума и реквизиции, революционное правительство не сумело привлечь на свою сторону деревенскую бедноту и крестьян-середняков. В результате в деревне создался контрреволюционный блок всех собственнических элементов, заинтересованных в уничтожении максимума. С другой стороны, суровая политика Конвента в отношении сельскохозяйственных рабочих создала равнодушие к судьбе революционного правительства среди тех социальных элементов деревни, на поддержку которых оно могло еще рассчитывать. Тем самым создавалась одна из важнейших предпосылок термидорианской реакции.

² Ibid. F¹² 1547c.